Я 237/422

АРТЕМОВ

Московскій
Библіографическій
Кружокъ
№ 1117 лит. О
IV
237
422

СЕЛО УГОДИЧИ,

РОСТОВСКАГО УѢЗДА,

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Историко-этнографическій очеркъ **А. Я. Артынова.**

Ярославль.
Типографія Губернскаго Правленія.
1889.

Я 237/422

23281-36

Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

Историко-этнографическій очеркъ А. Я. Артынова.

(Посвящается памяти Ѳ. Я. Никольскаго.)

Отъ редактора.

Нижепомѣщаемый очеркъ принадлежитъ перу мѣстнаго изслѣдователя родной старины, крестьянина села Угодичъ (Ростовскаго уѣзда), А. Я. Артынова, интересныя «Воспоминанія» котораго были напечатаны въ Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ за 1882 годъ. Болѣе полувѣка г. Артыновъ посвящалъ свободное отъ текущихъ занятій время на собираніе матеріаловъ для исторіи древняго Ростовскаго княжества и своей родины—села Угодичъ. Еще въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1850 г. было напечатано описаніе села Угодичъ, составленное Артыновымъ. Затѣмъ въ 1855 году, въ журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ (часть 57-я), въ видѣ особаго приложенія, вновь появилось составленное г. Артыновымъ описаніе того же села (32 страницы, въ 8-ю д. л.), которое и было перепечатано въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1855 года. Помѣщаемый нынѣ очеркъ содержитъ въ себѣ много новыхъ свѣдѣній сравнительно съ прежними печатными описаніями. Относительно первой, исторической, части настоящаго очерка должно замѣтить, что источникомъ для древнѣйшей исторіи Угодичъ служили составителю народныя преданія и ска-

занія, которыя онъ записывалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ, крестьянъ и горожанъ; къ извѣстіямъ, сообщаемымъ этими преданіями и сказаніями, во всякомъ случаѣ, необходимо относиться съ должною осторожностью и критикою. Затѣмъ богатый матеріалъ доставили автору старинныя рукописи изъ извѣстныхъ библіотекъ Хлѣбникова, Трехлѣтова и др. Г. Артыновъ дѣлалъ выписки изъ этихъ рукописей, между которыми особенную важность представляли двѣ, до нашего времени не сохранившіяся, это—Хлѣбниковскій Ростовскій лѣтописецъ (XVI—XVII в.) и рукопись бывшаго владѣльца с. Угодичъ стольника А. Б. Мусина-Пушкина (XVII—XVIII в.). Судя по выпискамъ г. Артынова, обѣ рукописи заключали въ себѣ такія подробности о Ростовѣ, какія не находятся въ другихъ лѣтописяхъ. Нельзя не пожалѣть, что г. Артыновъ, въ то время еще человѣкъ малоопытный, не списалъ этихъ рукописей дословно, а ограничивался тѣмъ, что дѣлалъ изъ нихъ лишь краткія извлеченія, не удерживая притомъ языка подлинниковъ. Утрата подлинниковъ этихъ двухъ рукописей лишаетъ нынѣ возможности опредѣлить точно ихъ составъ и степень достовѣрности сообщаемыхъ ими извѣстій. Во всякомъ случаѣ, очеркъ, составленный г. Артыновымъ, представляетъ много весьма любопытныхъ свѣдѣній.

Трудъ г. Артынова, предварительно его напечатанія въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, былъ просмотрѣнъ другимъ изслѣдователемъ Ростовской старины А. А. Титовымъ, какъ видно изъ слѣдующей его замѣтки, предпосланной самому описанію села Угодичъ.

„Въ одно изъ засѣданій бывшаго въ Ярославлѣ, въ 1887 году, VII Археологическаго Съѣзда,—пишетъ А. А. Титовъ,—Ростовскій членъ предварительнаго комитета Съѣзда, крестьянинъ А. Я. Артыновъ представилъ свое изслѣдованіе о подростовномъ селѣ Угодичахъ, но не пожелалъ докладывать его публично.

По порученію предсѣдателя этого Съѣзда, статья г. Артынова приведена мною въ порядокъ, причемъ приняты во вниманіе замѣчанія и исправленія, сдѣланныя покойнымъ Ѳ. Я.

Никольскимъ, которому авторъ поручалъ разсмотрѣть настоящій свой трудъ еще въ 1877 году *).

По просьбѣ г. Артынова, пожелавшаго, по примѣру В. И. Лѣствицына, напечатать свое изслѣдованіе о селѣ Угодичахъ въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, я и представляю настоящій очеркъ, къ которому присоединены примѣчанія, сдѣланныя какъ самимъ г. Артыновымъ, такъ и покойнымъ Ѳ. Я. Никольскимъ, памяти котораго и посвящено это описаніе.

„Всю мою жизнь,—пишетъ г. Артыновъ въ своемъ Предисловіи,—посвятилъ я собиранію свѣдѣній и документовъ, касающихся села Угодичъ, моей дорогой родины.

При составленіи настоящаго труда мнѣ послужили руководствомъ слѣдующіе источники: 1) Рукопись стольника Алексѣя Богдановича Мусина-Пушкина (XVII—XVIII в.); 2) Хлѣбниковскій лѣтописецъ, рукопись XVI—XVII в.; 3) рукописи Ярославскаго купца Е. В. Трехлѣтова и Михаила Артынова; 4) грамоты царей Іоанна Грознаго, Ѳеодора Іоанновича и Петра I-го и, въ заключеніе, писцовая книга села, XVII вѣка.

Кромѣ этого, во время моей молодости, мною записаны разсказы: мѣстнаго священника о. Николая Владимірова, отца моего—Якова и дяди—Михаила Артынова, камердинера бывшаго помѣщика села Угодичъ генерала Кара, Григорія Ильича и многихъ другихъ Ростовскихъ старожиловъ и мѣстныхъ крестьянъ.„

«Къ сожалѣнію,—заключаетъ авторъ свое предисловіе,—«я не могу не пожалѣть, что, списывая подлинные документы и лѣтописцы, я не удержалъ языка рукописей; тогда я былъ еще молодой человѣкъ и мало опытный въ святомъ дѣлѣ изученія документовъ о своей родинѣ.»

---

*) Своеручныя замѣчанія Ѳ. Я. Никольскаго находятся въ моемъ собраніи, а копія съ нихъ хранится въ библіотекѣ Императорскаго Географическаго Общества.

Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

Время основанія села Угодичъ теряется въ глубокой древности. Въ первые вѣка своего существованія село Угодичи носило названіе «Угожи». По мѣстному преданію, село получило это названіе въ честь какой то княгини Будиславы-Лои-Угоды, дочери Ростовскаго князя [1]). Вообще должно замѣтить, что для древнѣйшей первоначальной исторіи Угодичъ мѣстныя сказанія и преданія, переходившія изъ поколѣнія въ поколѣніе, составляютъ единственный источникъ, изъ котораго можно почерпать свѣдѣнія. Еще задолго до введенія христіанства въ Ростовской

---

1) Княгиня «Угода» имѣла супругомъ Ательскаго? царевича „Крѣпкомысла“ (это было еще за долго до принятія христіанства Ростовскою областью), съ которымъ она поселилась на восточномъ берегу Ростовскаго озера, на рѣкѣ «Прудѣ» или «Вороболовкѣ», въ теремѣ княжны «Ники», сестры князя «Мадія», дочери князя „Прототія“, близь «Велесова камня». По рѣкѣ Вороболовкѣ стали затѣмъ селиться для лѣтняго жительства старѣйшины—князья Ростовскіе, не гнушаясь сообщества туземныхъ рыболововъ. Сіи послѣдніе въ честь княгини «Угоды» селище свое назвали «Угожь». (Объ этомъ отчасти сообщалось въ одной изъ рукописей Е. В. Трехлѣтова). „Велесовъ камень“, по старинному преданію, названъ такъ по тому, что, будто бы, на немъ когда-то стоялъ Велесъ, поставленный какимъ-то княземъ до перенесенія его въ Ростовъ, въ Чудской конецъ. (Объ этомъ говорилось въ той же рукописи Е. В. Трехлѣтова). Въ настоящее время этотъ камень находится недалеко отъ деревни Тряслова, на пути «Безымянной пустоши». Онъ лежитъ на прямой линіи отъ Ростовскаго Аврааміева монастыря на церковь села Скнятинова. Длина этого камня четыре, ширина два, вышина, отъ поверхности земли, полтора аршина.

области это село привлекало къ себѣ вниманіе Ростовцевъ рыбными ловлями, звѣриною охотою и бобровыми гонами [2]). Здѣсь они строили себѣ лѣтнія жилища; здѣсь, на тучныхъ подозерныхъ пастбищахъ, паслись ихъ многочисленныя стада, а на берегахъ рѣки «Вороболовки» велись обширные хмѣльники и борти [3]) до Корева озера [4]). Въ первобытныя времена здѣсь не было другой власти кромѣ старшаго въ родѣ, который и управлялъ своими родичами, судилъ и рядилъ ихъ полновластно [5]). Впослѣдствіи „Угожи“ съ окрестностями стали уже имѣть своего князя или старѣйшину, притомъ независима-

---

2) «Бобровые гоны» въ Ростовскомъ округѣ были въ двухъ мѣстахъ: одни на рѣкѣ Сарѣ (нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ плотина водяной мукомольной мельницы, называемой «Техановскою», близъ деревни Теханова и недалеко отъ села Деболъ), а другіе на рѣкѣ Лахости (нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ плотина водяной мукомольной мельницы, называемой „Рохмолой“, а недалеко отъ нея стоитъ деревня «Рохмала»).

3) „Хмѣльники“ и «борты», или ульи, находились на лѣвомъ берегу рѣки Вороболовки. Мѣстности эти и въ настоящее время носятъ имена—одна «Хмѣльники», а другая „Солоть“.

4) «Корево озеро» находилось на востокъ отъ Ростовскаго озера, въ разстояніи отъ него около трехъ верстъ. Пространство, занимаемое имъ, было около квадратной версты. Оно соединялось посредствомъ пролива съ рѣкой Вороболовкой. На берегу этого пролива лежалъ знаменитый въ древности „Велесовъ камень“. Этотъ небольшой водяной бассейнъ изобилуетъ нынѣ сѣнокосомъ на торфяномъ грунтѣ и называется «двадцатилѣтнія дачи».

5) Вотъ что говорила объ этомъ рукопись Ростовскаго купца П. В. Хлѣбникова: «Старѣйшіе людіе, обходя окрестныя страны озера, видѣша, яко мѣсто то зѣло красно и мнозіи бяху ту ловы въ дебрѣхъ лѣсныхъ и во озерѣ, обильныя пажити, многочисленные борти и бобровые гоны, вельми имъ удобно селитися ту, и начаша жити ту собѣ, и нарекоша мѣсто то по старинѣ «Угожь», яко угодно бѣ имъ зѣло, и имяху ту собѣ скота мноз стада, и, не терпяще иной власти, живяше кійждо собѣ, породовомъ своимъ, и суды дѣя въ родѣхъ своихъ».

го отъ Ростова [6]). Во время призванія великаго князя Рюрика старѣйшиной на «Угожи» былъ нѣкто «Русинъ-Михей» [7]), который вмѣстѣ съ Ростовцами и Новгородцами ходилъ по него

---

6) Несомнѣннымъ доказательствомъ древности и многочисленности населенія Угодичъ служитъ обширность древняго кладбища на холмистой возвышенности, на которой стоитъ нынѣ Богоявленская церковь. При новѣйшихъ раскопкахъ открыты внутри и внѣ церкви и даже на торговой площади повсемѣстно хранилища костей человѣческихъ—ямы, индѣ однѣ кости, индѣ кости и головные черепа, а индѣ одни черепа. Въ одномъ мѣстѣ между костями найдена была монета или медальонъ, какъ выразился графъ А. С. Уваровъ при обозрѣніи ея, Римскаго императора Домиціана, жившаго въ I вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ *), и недалеко отъ этого мѣста найдены мамонтова челюсть съ находящимся въ ней однимъ зубомъ и позвонокъ рыбьяго хребта, длиною шесть, а толщиною въ діаметрѣ пять вершковъ.

7) О «Михеѣ-Русинѣ» вотъ что говорила рукопись П. В. Хлѣбникова: «Когда св. Кириллъ и Меѳодій находились у Таврійскаго кагана въ столицѣ его Корсуни, которому Ростовская область платила по векшѣ съ дома, они имѣли состязаніе о вѣрѣ съ Іудеями Самарійскими. При этомъ случайно находился нѣкто «Русинъ», пришедшій съ данью изъ Ростовской земли къ Козарскому кагану и съ торгомъ своимъ. Русинъ велъ обширный торгъ съ Греками, мѣнялъ свои туземныя произведенія на греческія. Корабли его стояли въ «бочагѣ во дворѣ его, его же ископа самъ, сирѣчь Михей» (Такъ говорила и рукопись Е. В. Трехлѣтова). Слово «Михеевъ бочагъ» часто встрѣчается въ актахъ села Угодичъ начала XVII столѣтія. Тогда онъ служилъ живой границей рыбной ловли между Угодичами и Воржей. Онъ тогда находился не въ дальнемъ разстояніи отъ озера и соединялся съ нимъ каналомъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ «княжей гавани». Нынѣ этотъ «бочагъ» находится въ южномъ концѣ села. Надъ бывшей его плотиной перекинутъ ны-

---

*) Объ этой монетѣ графъ Уваровъ упомянулъ въ своемъ сочиненіи: «Меряне, ихъ бытъ».

къ Варягамъ. Князья—старѣйшины Ростовскіе ходили съ великимъ княземъ Олегомъ подъ стѣны Цареградскія, гдѣ ключъ «Угожи», подъ предводительствомъ Угожскаго старѣйшины князя Потани [8]), состоявшій изъ отборныхъ охотниковъ, всегда

нѣ мостъ. Къ нему сосредоточиваются улицы: Богоявленская, Завражная, Овинная и Банная «Княжая гавань» превратилась въ «овинную гаврю». О переименованіи «Русина» въ «Михея» рукопись Е. В. Трехлѣтова говорила, что христіанской вѣрѣ научился Русинъ отъ св. Кирилла и Меѳодія и въ святомъ крещеніи нареченъ «Михей». Возвратясь въ Ростовъ, онъ при своемъ теремѣ, находившемся на лѣвомъ берегу рѣки Кучебѣжки (гдѣ теперь стоитъ деревня Михалево), устроилъ небольшую деревянную церковь.

8) Потаня былъ потомокъ Ростовскаго князя, или старѣйшины «Велесила». Онъ женатъ былъ на красавицѣ «Рославѣ», внучатной бабѣ «Малуши», матери великаго князя Владиміра Святаго, отъ рода знаменитаго богатыря земли Ростовской «Лари Шестака». Потаня имѣлъ несмѣтныя богатства и многіе терема въ Ростовской области. Во время пребыванія своего въ Ростовѣ, великая княгиня Ольга посылала его въ Царьградъ соглядати Греки и обычаи ихъ. Тамъ онъ получилъ, сверхъ великихъ даровъ, икону Богоявленія Господня, которую онъ принесъ великой княгинѣ, а та приложила ее въ церковь святителя Николая, построенную ею въ Ростовѣ, на княжемъ дворѣ. Вотъ что говорила о «Потанѣ» рукопись П. В. Хлѣбникова. „Бѣ Потаня богатъ зѣло, имяше много злата и сребра, бисеровъ драгихъ и поволокъ многоцѣнныхъ, имяше собѣ дщи едину, красну зѣло и бяше имя ей Прелѣпа. И сотвори ей Потаня на востокъ солнца, на мѣстѣ горнемъ и зѣло краснемъ, столпъ и въ немъ палаты красны. И живяше ту Прилѣпа со сверстницы своими». По преданію, нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ деревня «Городецъ». О вышеозначенной иконѣ Богоявленія Господня, принесенной Потаней изъ Царя-града, вотъ что говоритъ небольшая рукопись, принадлежащая Ростовскому купцу Ив. Ив. Хранилову. «Икону эту великая княгиня Ольга послала съ Потанею въ даръ на память о себѣ Ростовцамъ, въ новопостроенную отъ нея церковь св. Ни-

былъ впереди. По смерти великаго князя Игоря, его супруга великая княгиня Ольга, по малолѣтству своего сына Святослава, сама приняла бразды правленія русскою землею и раздѣлила ее на волости. Тогда и Угожь стала, на ряду съ другими, волостью [9]). Для обозрѣнія Ростовской области и водворенія въ ней христіанства великая княгиня Ольга дважды «приходила колесницею» въ Ростовъ, причемъ посѣтила и Угожь. Сынъ св. Ольги, великій князь Святославъ имѣлъ при себѣ витязей изъ князей Ростовскихъ—Раміру и Петринку, которые были съ нимъ безотлучно во всѣхъ его походахъ. Съ конца X столѣтія исторія Угодичъ начинаетъ принимать болѣе достовѣрности. Равноапостольный великій князь Владиміръ въ бытность свою въ Ростовѣ для обращенія Ростовцевъ въ христіанство посылалъ своихъ бирючей и глашатаевъ по городу, волостямъ и ихъ окрестностямъ, созывая туземцевъ на мѣсто всеобщаго крещатика, устроеннаго на прибрежьи Ростовскаго озера. На этотъ зовъ явились, между прочими, и многіе Угожане. По совершеніи крещенія, великій князь для всѣхъ новокрещеныхъ устроилъ почетный пиръ. Достопамятный день крещенія Уго-

---

колая, «что на подозерьи», на княжемъ дворѣ. По преставленіи ея, эту церковь Ростовскіе язычники сожгли до основанія, икону же св. Богоявленія отъ пожара успѣлъ унести и скрыть у себя нѣкій бояринъ по имени Вышата, который былъ потаеннымъ христіаниномъ; эта икона сохранялась до временъ епископа Ѳеодора въ семействѣ Вышаты. Епископъ перенесъ ее въ новопостроенную соборную церковь Успенія Богоматери. Тамъ стояла она до временъ св. Исаіи, епископа Ростовскаго, который благословилъ оною Угожанъ въ новопостроенный ими храмъ Богоявленія Господня на мѣстѣ, предназначенномъ преподобнымъ Аврааміемъ Ростовскимъ. Такъ она сохранилась до нашихъ временъ въ цѣлости».

9) По словамъ рукописи И. В. Хлѣбникова, волости въ Ростовской области были въ то время слѣдующія: Угожь подозерная, Пѣсья-Луговская-Залѣсная, Якимовская-Загородная, Сотянская-нагорная, Луговская-Водская. Впослѣдствіи онѣ назывались пятинами, а наконецъ—станами.

БИБЛИОТЕКА имени В. Д. Ленина

жане ознаменовали сооруженіемъ обыденнаго деревяннаго храма во имя св. мучениковъ Кирика и Улиты, который тогда же и былъ освященъ. Дѣйствительность этого событія подтверждается тѣмъ, что съ незапамятныхъ временъ сохраняется въ Угодичахъ обычай праздновать день св. Кирика и Улиты (15-го іюля), во имя которыхъ нынѣ существуетъ придѣлъ при Богоявленской церкви; обычай этотъ имѣетъ тѣсную связь съ великимъ событіемъ введенія здѣсь христіанства. Въ теченіе краткаго времени пребыванія своего въ Ростовѣ великій князь Владиміръ занимался звѣриной и соколиной охотой. Первою занимался онъ на возвышенной восточной окраинѣ Ростовскаго озера, гдѣ изстари были заповѣдные лѣса, а второю—на тихихъ заводяхъ озера, надъ устьемъ рѣки Гды. Для звѣриной охоты князь двинулся изъ Ростова сухимъ путемъ и водою чрезъ озеро на слободу Угожь, какъ сборное мѣсто его свиты. По окончаніи охоты давалъ онъ бывшимъ съ нимъ князьямъ и боярамъ почетный пиръ въ пресловутомъ Потаниномъ терему. Спустя три года послѣ введенія христіанства въ Ростовской области великій князь прислалъ на княженіе въ Ростовъ своего сына Ярослава-Георгія. Послѣдній во время своего княженія въ Ростовѣ, нерѣдко посѣщалъ Угожь, гдѣ у него были многочисленные борти и гдѣ онъ охотился на краснаго звѣря и обогащалъ Угожь своими «покладами». По смерти брата своего Вышеслава, Ярославъ посланъ былъ на княженіе въ Новгородъ, а на его мѣсто въ Ростовъ Владиміръ прислалъ другаго сына своего Бориса. Княженіе Бориса Владиміровича въ Ростовѣ было самое мирное. Скуку по богатомъ Кіевѣ князь разгонялъ, между прочимъ, охотой на краснаго звѣря, для чего часто ѣздилъ въ заповѣдный лѣсъ; въ каждую такую поѣздку онъ останавливался для отдыха на Угожи въ домѣ боярина Вышаты.

Преждевременная мученическая кончина князя Бориса Владиміровича на берегу рѣки Альты поразила Ростовцевъ. Вѣстникомъ о ней былъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ слугъ князя-мученика Торопка Голованъ, Угожанинъ [10]). Послѣ Бориса

10) Рукопись П. В. Хлѣбникова вотъ что говорила о То-

Ростовскую область получилъ въ удѣлъ Новгородскій князь Ярославъ Владиміровичъ, а сдѣлавшись великимъ княземъ Кіевскимъ, передалъ ее старшему своему сыну Владиміру. Послѣ него Ростовскою областью владѣлъ Тмутараканскій князь Мстиславъ, сынъ Владиміра святаго [11]). Мстиславъ Владиміровичъ, между прочимъ, соорудилъ на Угожи великолѣпный дубовый теремъ, который долго стоялъ подъ названіемъ дома «Мстиславова». Послѣ Мстислава вступилъ на Ростовское княжество князь

ропкѣ-Голованѣ: Князь Борисъ Володиміровичъ святый убитъ былъ измѣной по слову брата своего Святополка, отъ злодѣевъ Путши, Тальца и Ляшка, на рѣкѣ Альтѣ. Вмѣстѣ съ нимъ убиты были и всѣ слуги его. Единъ отъ нихъ зѣло уязвленъ бысть отъ злодѣя Тальца, и яко о мертвомъ небрегоша о немъ. Той оживе и бысть первый вѣстникъ Ростовцамъ о смерти князя Бориса Имя ему бѣ «Торопка-Голованъ», отъ княжей избы, яже на Угожи. Сему наложено бяше имя «Альтинъ» по рѣкѣ, идѣже убитъ бысть князь ихъ. Рукопись Е. В. Трехлѣтова упоминала, въ «Повѣсти о Новгородскомъ тысяцкомъ Константинѣ», объ этомъ Торопкѣ-Голованѣ, который былъ домоправителемъ Константина, когда тотъ, вслѣдствіе ненависти безпокойныхъ Новгородцевъ, переселился изъ Новгородской области въ Ростовскую, именно въ Якимовскую волость. Сынъ Торопкинъ, Ждапъ, былъ домоправителемъ на Угожѣ у зятя Константинова, Кудима, который тамошній теремъ свой, по переѣздѣ своемъ въ Ростовъ, отдалъ Ждану. По актамъ села Угодичъ XVII столѣтія, видно, что теремъ Ждана стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Сидорки Альтина, старосты Угодичскаго (въ царствованіе Іоанна Грознаго. Одинъ изъ потомковъ Сидоркиныхъ, а именно Михайло Дмитріевъ Альтинъ, продалъ послѣ пожара 1805 года пустопорожнее мѣсто, на которомъ стоялъ домъ, крестьянину Андрею Михайлову Дюкову, внукъ котораго выбылъ изъ Угодичь въ Ростовское купечество.

11) О князѣ Мстиславѣ Владиміровичѣ рукопись Хлѣбникова говорила: «Посемъ воста князь Мстиславъ Володиміровичъ въ Ростовѣ. Сей созда на Угожи домъ брусенъ, красенъ зѣло и преузороченъ на мѣстѣ краснемъ. Имяше ту борти мнози и творяше въ дебрѣхъ во езерѣ ловы».

Всеволодъ Ярославичъ [12]). Онъ украсилъ Угожь новыми зданіями, населилъ пришельцами изъ другихъ удѣловъ и устроилъ въ Угожи соляныя варницы по образцу Ростовскихъ. Этотъ промыселъ, какъ нельзя лучше, привился къ торговымъ Угожанамъ, вслѣдствіе чего они стали рѣзко отличаться отъ своихъ сосѣдей. Затѣмъ Ростовская земля была во владѣніи князя Святослава Ярославича и сына его Олега. Послѣдняго въ продолжительныя его отлучки изъ Ростова замѣняли его намѣстники. Однажды Ростовскій намѣстникъ донесъ Олегу, что Угожане имъ недовольны. Князь не подалъ и вида, что не расположенъ къ нимъ; на бобровыхъ гонахъ, на Лахости, при братѣ своемъ Глѣбѣ, онъ былъ весьма ласковъ съ Угожанами, даже просилъ ихъ наблюдать за его бортями: свою месть онъ оставилъ до болѣе удобнаго времени. Вскорѣ возникъ у него раздоръ съ княземъ Изяславомъ Владиміровичемъ. Угожане при этомъ держали больше сторону Мономаховичей и чрезъ это навлекли на себя бѣду. Олегъ далъ имъ почуствовать себя наложеніемъ на нихъ тяжкой дани, отъ которой они долго не могли попра-

---

12) О князѣ Всеволодѣ Ярославичѣ рукопись П. В. Хлѣбникова говорила: «Посемъ въ лѣто 6562 вста на Ростовскій престолъ князь Всеволодъ Ярославичъ. Вельми любяше Угожь и жити во дворѣ Мстиславовѣ. Ту творяше ловы и добываша ему соль».

Соляныя варницы въ селѣ Угодичахъ были по берегу озера, гдѣ лежитъ нынѣ усадебная земля обывателей, между Богоявленской и Николаевской церквами. Прудокъ, находящійся близъ Богоявленской церкви съ сѣверо-западной стороны ея, входилъ въ составъ соляныхъ варницъ. Мѣсто, занимаемое варницами, имѣло пространство около пяти десятинъ. Земля эта и въ настоящее время неудобна для огородничества, такъ какъ весьма изобилуетъ солончакомъ. Соляпымъ промысломъ, по словамъ Трехлѣтовской рукописи, въ это время Ростовъ процвѣталъ, а съ нимъ вмѣстѣ и слобода Угожь. Иногда, по неудовольствію Ростова съ Новгородомъ, Ростовцы прекращали съ нимъ торговлю солью и этимъ заставляли купечество Новгородское мириться съ Ростовцами.

виться. Преемникъ Олега, князь Мстиславъ Владиміровичъ, княжилъ въ Ростовѣ не долго. Въ Угожи, на «дворѣ Мстиславовомъ», онъ построилъ великолѣпный для тогдашняго времени храмъ Богоявленія Господня, который освященъ былъ Ростовскимъ епископомъ Ефремомъ. Крестьянамъ Угожскимъ князь также давалъ различныя средства поправиться; между прочимъ, освободилъ ихъ отъ всеобщей дани, наложенной имъ на другихъ подданныхъ, „взимать у мыта отъ воза по двѣ векши и отъ хлѣба коробъ“. Отъ этой подати многіе изъ Ростовцевъ удалились съ черными людьми въ другіе удѣлы. Мѣсто Мстислава Владиміровича занялъ милостивый князь Изяславъ Владиміровичъ. Онъ отмѣнилъ наложенную Мстиславомъ дань, а что было уже взято у Ростовцевъ возвратилъ по принадлежности. Этотъ князь почти все время своего княженія въ Ростовѣ страдалъ отъ „отневицы“, которую получилъ на озерѣ, смотря изъ любопытства на рыбный ловъ, причемъ по неосторожности кормчаго въ сильную бурю носимъ былъ волнами по озеру и, наконецъ, прибитъ къ устью р. Вороболовки, гдѣ рыбаки, ловившіе рыбу грудами [13]), спасли его отъ конечной гибели. Отсюда князь былъ въ безпамятствѣ отнесенъ на Угожь, въ домъ Мстиславовъ, гдѣ и пролежалъ не мало времени. Едва Изяславъ Владиміровичъ успѣлъ выздоровѣть, какъ новая буря совсѣмъ снесла его съ лица земли: онъ былъ убитъ въ кровавой битвѣ въ Олегомъ Святославичемъ, близъ Мурома.

По смерти Изяслава Ростовъ перешелъ въ руки его отца, великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха. Онъ нерѣдко пріѣзжалъ сюда изъ Кіева. Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ упоминается о бытности Мономаха въ Угожи, въ сопровожденіи его супруги, съ цѣлію посмотрѣть на тамошнюю Богоявленскую церковь. Отселѣ онъ ѣздилъ въ окрестные заповѣдные лѣса

---

13) Рыболовныя «груды» иначе на мѣстномъ нарѣчіи называются „дворцы“. Они дѣлаются изъ можжевеловаго хвороста: вбиваютъ въ озеро колья и огораживаютъ ихъ «котцами» (щитами изъ тонкихъ дранокъ).

охотиться на краснаго звѣря. Послѣ Мономаха Ростовъ принадлежалъ его сыну, князю Юрію Владиміровичу Долгорукому [14]). Онъ предпочиталъ Суздаль Ростову; за это Ростовцы негодовали на Юрія и часто на шумномъ вѣчѣ приводили его въ гнѣвъ. Въ такихъ случаяхъ онъ уѣзжалъ въ село Красное [15]) и въ Угожь, иногда и съ своей супругой княгинею Ольгой. Въ Угожи Юрій завелъ школу для дѣтей на дворѣ „дома Мстислава". Школа эта была первою въ землѣ Ростовской.

При сынѣ Долгорукаго, князѣ Глѣбѣ Юрьевичѣ, была возобновлена въ Угожи Богоявленская церковь, начинавшая приходить въ ветхость. Освящалъ эту церковь Ростовскій епископъ Несторъ.

Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій часто пировалъ въ Угожи съ сосѣдними князьями и великолѣпно украсилъ церковь Богоявленія Господня, въ память того, какъ представители Ростова цѣловали крестъ и присягали ему на владѣніе Ростовомъ.

Княженіе въ Ростовѣ князя Мстислава Ростиславовича Безокаго въ Угожи ознаменовано было заложеніемъ Богоявленской церкви на мѣстѣ прежней, сгорѣвшей до основанія. Этотъ князь былъ игралищемъ Ростовскаго вѣча, которое принудило его вести войну противъ князя Владимірскаго Михаила Юрье-

---

14) О князѣ Юріи Владиміровичѣ Долгорукомъ рукопись П. В. Хлѣбникова говорила: «посемъ въ лѣто 6625 воста въ Ростовѣ князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Сей ѣздя вельми часто съ княгинею своею Ольгою на Угожь и на дворѣ Мстиславли учреди учити дѣти грамотѣ, ту сущія; овогда и самъ ѣздя надзираше я».

15) Хотя села «Краснаго» нѣтъ близъ Ростова, но есть двѣ деревни, называемыя «Красново», стоящія на возвышенныхъ пунктахъ,—одна на востокъ, другая на западъ отъ Ростова. Въ первой были нарочитые потѣшные княжьи терема, гдѣ остался отъ того времени «княжій прудъ», по южному склону нагорнаго возвышенія, вокругъ котораго расположена нынѣ деревня Красново. На мѣстѣ княжей церкви стоитъ нынѣ небольшая каменная часовня.

вича. Послѣдній на голову разбилъ Ростовцевъ близь урочищъ „Плакидина“ и „Стопятина“ [16]), а городъ Ростовъ взялъ приступомъ. Сдѣлавшись Ростовскимъ княземъ, князь Михаилъ на память по себѣ поставилъ на Угожи церковь Архистратига Михаила «на могильницахъ» [17]). По смерти Михаила опять возгорѣлась война у Ростовцевъ съ Владимірцами изъ-за старшинства, кончившаяся тѣмъ, что братъ покойнаго, Владимірскій князь Всеволодъ Юрьевичъ, побѣдилъ Ростовцевъ и подчинилъ себѣ Ростовское княжество.

Еще при жизни своей онъ далъ Ростовъ старшему сыну своему Константину [18]), который оказывалъ особое покровительство Угожанамъ, благодаря ходатайству за нихъ его мамы Еленицы Чигорь, бывшей родомъ изъ слободы Угожи. По любви къ наукамъ, онъ поддерживалъ заведенное княземъ Юріемъ Долгоруким училище; извѣстна также богатѣйшая библіотека князя Константина Всеволодовича, заключавшая въ себѣ нѣсколько тысячъ рукописей [19]), многія изъ которыхъ были списаны въ Угодичскомъ училищѣ. Библіотека эта погибла во время быв-

---

16) Нынѣ здѣсь стоятъ деревни «Плакидино» и «Стопятино».

17) О князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ рукопись П. В. Хлѣбникова говорила, что этотъ князь приказалъ похоронить на Угожи Ростовцевъ и Угожанъ, павшихъ на брани съ нимъ, и назвалъ мѣсто то „могильницами“, «и церковь ту Архистратига Божія Михаила повелѣ создати».

18) О князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ рукопись П. В. Хлѣбникова говорила: «Посемъ въ лѣто 6716 воста въ Ростовѣ князь Константинъ Всеволодовичъ Сей созда домъ брусянъ на Угожи и живяше ту, егда ловы творя».

19) Относительно Ростовской библіотеки князя Константина Всеволодовича рукопись П. В. Хлѣбникова, между прочимъ, сообщала, что одинъ изъ переписчиковъ князя былъ нѣкій Ѳеофилъ «борзый скорописецъ». Въ вотчинныхъ актахъ села Угодичь XVII столѣтія встрѣчается пустошь „Ѳеофилище“, которая пожалована была царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ думному дьячку Томилѣ Луговскому.

шаго въ Ростовѣ большаго пожара, еще при жизни самого Константина Всеволодовича.

Въ Угожи было мѣсто и для веселыхъ пировъ княжескихъ въ роскошномъ брусяномъ дому, который князь выстроилъ не въ примѣръ другимъ зданіямъ. Однажды сюда пріѣхали на пиръ изъ Ростова, вмѣстѣ съ Константиномъ, братья хозяина, князья Юрій и Ярославъ Всеволодовичи съ ихъ супругами.

Въ княженіе послѣдующаго Ростовскаго князя Василька Константиновича произошло вторженіе татаръ въ Ростовскую область. Самъ князь Василько Константиновичъ, какъ извѣстно, былъ убитъ татарами, а Ростовская земля ими опустошена. Угожь тоже была предана огню и мечу, и бывшее въ ней имущество Ростовскихъ князей разграблено. Послѣ мученической смерти Василька, Ростовъ не мало времени не видалъ у себя своихъ князей, хотя и находилась здѣсь иногда его супруга княгиня Марія Михайловна, съ малолѣтними сыновьями Борисомъ и Глѣбомъ, но она проживала больше въ Угличѣ, у князя Владиміра Константиновича. Придя въ возрастъ, старшій сынъ Василька, Борисъ, вступилъ во владѣніе Ростовомъ [20]). Въ княженіе Бориса Васильковича Угожь мало-по-малу пришла въ прежнее состояніе, пользуясь покровительствомъ князя и его матери, которая однажды лично посѣтила Угожь съ княземъ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ [21]) и со своими

---

20) О князѣ Борисѣ Васильковичѣ рукопись П. В. Хлѣбникова говорила: «Въ лѣто 6760-е бысть въ Ростовѣ князь Борисъ Васильковичъ, юнъ зѣло. Сей съ матерію своею княгинею Марьею на мѣстѣ дома Мстиславова на Угожи построи теремъ и живяше ту, егда ловы твори.

21) Рукопись П. В. Хлѣбникова о посѣщеніи села Угодичъ княземъ Александромъ Невскимъ сообщала слѣдующее: «Бысть княгиня Марья святую Пасху на Угожи, и князь Александръ рекомый Невскій бѣ ту съ нею. Живяше бо той во градѣ Ростовѣ ради разлитія вешнихъ водъ и гибели мостовъ и плотовъ; идяше бо онъ тогда изъ Великаго Новаграда въ свою Суздальскую отчину съ чады, домочадцы и добромъ своимъ». Съ ними были князья

дѣтьми въ праздникъ Пасхи и ознаменовала этотъ пріѣздъ свой вкладами въ Богоявленскую церковь. По смерти Бориса Ростовъ поступилъ во владѣніе его брата Глѣба Васильковича [22]). Онъ не разъ посѣщалъ Угожь, въ которой онъ бывалъ и раньше еще вмѣстѣ съ женою своею, княгинею Ѳеодорою (родомъ татаркою [23]). Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ для пированія въ Угожь, князь Глѣбъ схватилъ тамъ тяжкую болѣзнь, которая вскорѣ свела его въ могилу [24]). Ему наслѣдовалъ племянникъ его, князь Димитрій Борисовичъ. Въ его многолѣтнее княженіе въ Угожи были водворены выходцы изъ другихъ городовъ и сооружена дубовая церковь Богоявленія Господня, которую освятилъ Ростовскій епископъ Игнатій. По смерти брата Димитрія Борисовича, князя Константина Борисовича, княжилъ въ Ростовѣ сынъ послѣдняго Василій Константиновичъ. Его княженіе было въ рукахъ корыстолюбивыхъ ханскихъ баскаковъ [25]), тѣснившихъ Ростовъ и сосѣднія села, въ томъ числѣ Угожь; мѣстопребываніе свое баскаки имѣли близь поселка «Гари» [26]).

Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, княгиня Марина, вдова князя Всеволода Константиновича Ярославскаго, и Ордынскій царевичъ племянникъ хана Беркая.

22) О князѣ Глѣбѣ Васильковичѣ рукопись П. В. Хлѣбникова говорила: «По семъ въ лѣто 6786 бысть въ Ростовѣ князь Глѣбъ Васильковичъ. Сей борти мнози имѣ на Угожи».

23) «Бысть у святаго Богоявленія на Угожи князь Глѣбъ Васильковичъ съ княгинею своею Ѳеодорою татаркою, яко недугъ тяжекъ удержа ю». (Рукопись П. В. Хлѣбникова).

24) «Бысть князь Глѣбъ на Угожи и веселися; и тамо прилучися ему недугъ страшенъ зѣло, и мало поболѣвъ, помре». (Рукопись П. В. Хлѣбникова).

25) Одинъ изъ такихъ баскаковъ поселился на Угожи, во дворѣ княжемъ. Потомки этого баскака и въ настоящее время живувъ въ селѣ Угодичахъ и деревнѣ Уткинѣ, что на прудѣ, и носятъ фамилію «Баскаковыхъ».

26) Село «Гари» получило свое имя отъ князя Ивана Ди-

Сынъ Василья Константиновича, князь Константинъ Васильевичъ, продалъ Угожскую волость великому князю Московскому Ивану Даниловичу Калитѣ. Женившись на дочери Ивана Калиты, княжнѣ Ѳетиньѣ, Константинъ Васильевичъ получилъ въ приданое за нею, въ числѣ другихъ волостей, и Угожь. Въ 1340 году она подверглась нападенію Новгородскихъ ушкуйниковъ, подъ предводительствомъ Онцифора, сына Новгородскаго посадника Луки Варѳоломеевича; ушкуйники разграбили Угожь и убили въ ней много холоповъ княжескихъ [27]). Незадолго до смерти Калиты Угожь отъ княгини Ѳетиньи, размѣномъ на Можайскъ, поступила снова въ великокняжескую собственность. Калита своею духовною грамотою завѣщалъ Угожь своему сыну Ивану *). По смерти Калиты, Угожская волость,

---

митріевича Пріимкова, имѣвшаго прозвище «Гарь-Черный-Дубъ». Село Гари стоитъ на мѣстѣ бывшаго его терема.

27) Объ этомъ рукопись П. В. Хлѣбникова говорила: „убиша много слугъ, яже на княжи избѣ на Угожи».

*) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что упоминаемая въ духовныхъ грамотахъ великаго князя Ивана Калиты (напеч. въ 1-мъ томѣ Собранія госуд. грамотъ и договоровъ) Угожь врядъ ли имѣетъ что либо общаго съ Ростовскою Угожью (т. е. Угодичами). Въ духовныхъ грамотахъ: сына Калиты, великаго князя Ивана Ивановича (1356 года), великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго (1389 года) и князя Юрія Димитріевича Галицкаго (1434 года) эта Угожь вездѣ показана *Звенигородскою* волостью. Эта Звенигородская волость Угожь переходила преемственно такъ: отъ Ивана Калиты къ его сыну Ивану, отъ великаго князя Ивана Ивановича къ женѣ его, великой княгинѣ Александрѣ; затѣмъ къ великому князю Димитрію Ивановичу Донскому, отъ него къ сыну его князю Юрію Димитріевичу Галицкому, а отъ сего послѣдняго къ сыну его князю Василію Юрьевичу Косому. Отъ князя Василія Косого Звенигородъ со всѣми волостьми поступилъ въ собственность великаго князя Василія Васильевича (см. договорную грамоту великаго князя Василія Васильевича съ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякою, отъ 1434 года въ 1 томѣ Собр.

размѣномъ на село Всесвятское, поступила на вдовье вѣно его супругѣ, великой княгинѣ Еленѣ. Когда, въ 1365 году, свирѣпствовала въ Ростовѣ моровая язва, извѣстная подъ именемъ «черной смерти», князь Константинъ Васильковичъ Ростовскій и епископъ Ростовскій Петръ, въ страхѣ, переѣхали изъ города въ Угожь, но и здѣсь заболѣли оба и померли въ одинъ день. За великой княгиней Угожь числилась не долго: княгиня отдала ее на вдовье вѣно своей дочери, княгинѣ Ѳетиньѣ Ивановнѣ. По ея же смерти, волость перешла, по размѣну, къ князю Владиміру Андреевичу Храброму, а отъ него, по неизвѣстнымъ причинамъ, къ князю Ивану Андреевичу Ростовскому Брюхатому. Между тѣмъ, въ силу наслѣдственныхъ правъ, на Угожь имѣлъ притязаніе великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской, а князь Иванъ Андреевичъ Брюхатый крѣпко отстаивалъ свои права, вслѣдствіе чего возникла между ними ссора, которая, лишь при посредствѣ духовныхъ лицъ, окончались примиреніемъ враждующихъ сторонъ. Послѣ этихъ ссоръ настала, было, тишина, но была возмущена вторженіемъ въ Ростовскую область, рѣкой Которостью, Новгородскихъ ушкуйниковъ, подъ предводительствомъ Прокопа и Омельяна *), которые, въ числѣ другихъ селеній, раззорили и Угожь.

госуд. грамотъ и договоровъ), который завѣщалъ свои Звенигородскія волости сыну своему Андрею. (См. дух. грамоту великаго князя Василія, отъ 1462 года). Въ одной купчей 1539 года (Акты юридическіе, стр. 123) упоминается Угожскій станъ Звенигородскаго уѣзда.—Г. Артыновъ, въ своемъ изложеніи извѣстія о Звенигородской Угожи, находящемся въ первомъ томѣ Собранія государств. грамотъ и договоровъ, ошибочно относитъ къ Ростовской Угожи (Угодичамъ), что необходимо имѣть въ виду при чтеніи его очерка. Г. Артыновъ вообще не указываетъ, при изложеніи исторіи Угодичъ въ XIV и XV в.в., откуда имъ заимствовано то или другое свѣдѣніе, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.

*) Въ Никоновской лѣтописи (СПБ., 1788, ч. IV, стр. 44) подъ 1374 годомъ занесенъ разсказъ о нападеніи на Кострому

Послѣ Куликовской битвы, по дѣламъ князей Ростовскихъ и по случаю выбора епископа на Ростовскую каѳедру, былъ княжескій съѣздъ въ древнемъ городкѣ на рѣкѣ Сарѣ *).

Великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской не могъ тамъ присутствовать и послалъ вмѣсто себя Нижегородскаго князя Димитрія Константиновича. Послѣдній, во время этого съѣзда, останавливался въ Угожи въ княжескихъ бѣлокаменныхъ палатахъ [28]). По смерти князя Ивана Андреевича, Угожь перешла къ его сыну князю Александру Хохолку Ростовскому, который вскорѣ продалъ ее князю Юрію Ивановичу Нѣмому Ростовскому. Недолго и этотъ князь владѣлъ Угожью; онъ, въ свой че-

---

Новгородскихъ ушкуйниковъ подъ предводительствомъ Прокопа и Смольянина. *Прим. Ѳ. А. Бычкова.*

*) Жаль, что г. Артыновъ не указываетъ для этого извѣстія источникъ, изъ котораго оно имъ заимствовано.

Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.

28) Объ этихъ бѣлокаменныхъ палатахъ вотъ что говоритъ небольшая рукопись Ростовскаго купца Ѳеодора Семеновича Шестакова: „Лицевая сторона княжихъ палатъ, обращенная на западъ къ Ростову, была длиною двѣнадцать, шириною семь, вышиною три сажени. Лицевая сторона палатъ имѣла девять, а южная пять оконъ узкихъ съ полукруглыми верхами, съ большими разсвѣтами и подходами внутри, съ желѣзными рѣшетками и такими же закрывами. Во всѣхъ палатахъ были своды. По лицевой сторонѣ въ окнахъ были стекольчатыя рамы, а въ прочихъ мѣстахъ слюдяныя. Внутри муравленныя росписныя печи. Крыша на палатахъ крыта была по скалѣ ластинью. Съ восточной стороны на княжій дворъ было красное крыльцо, крытое по скалѣ ластинью, на четырехъ вычурныхъ столбахъ. Съ южной стороны—высокія рѣшетчатыя ворота, съ большимъ навѣсомъ, крытымъ по скалѣ ластинью. На востокъ отъ палатъ находились различныя службы. Внутри двора былъ прудъ, усаженный ивами. Въ этихъ палатахъ жили позднѣйшіе владѣльцы Угодичь Луговскіе и Мусины-Пушкины; ими были палаты нѣсколько поправлены и къ нимъ сдѣлана пристройка. Развалины этихъ палатъ сохранялись до начала XIX столѣтія.

редъ, продалъ ее великому князю Димитрію Іоанновичу Донскому, который предъ смертью своей завѣщалъ Угожь сыну своему князю Юрію Димитріевичу Галицкому. Угожь служила потѣшнымъ мѣстомъ для этого князя; здѣсь разъ весело пировалъ онъ, послѣ охоты и рыбной ловли, съ князьями Ростовскими: Димитріемъ Димитрієвичемъ Пріимковымъ-Третьякомъ, Василіемъ Ивановичемъ Губкой Яновымъ и Михаиломъ Александровичемъ Касаткой. По смерти Донскаго, Угожь поступила, размѣномъ, на вдовье вѣно его супругѣ Евдокіи Димитріевнѣ, а она вскорѣ отдала ее своей дочери Софьѣ Димитріевнѣ *, супругѣ князя Ѳеодора Олеговича Рязанскаго.

Въ 1408 году страшный пожаръ опустошилъ едва не весь Ростовъ; болѣе тысячи человѣкъ погибло тогда въ огнѣ и потонуло въ озерѣ; многіе изъ гражданъ, лишившись крова, на время переселились въ Угожь, а иные тамъ и остались жить навсегда. Вслѣдъ затѣмъ новая кара постигла Ростовскій край— нашествіе татарскихъ полчищъ Эдигея. Найдя въ Ростовѣ однѣ развалины и не видя тамъ себѣ добычи, татары обратили свою хищную руку на окрестности города, разграбили ихъ и превратили въ пепелъ. Такой участи подверглись, между прочимъ, слобода Угожь и село Сулость [29]). По пятамъ Эдигея набѣжала третья кара, «моръ-прыщъ», отъ котораго Угожь едва не поголовно вымерла. Послѣ такихъ бѣдствій въ Угожи осталась почти одна только память о прежнемъ ея цвѣтущемъ состояніи. Въ это время князь Юрій Димитріевичъ Галицкій, смекнувъ, что опустѣлая Угожь, по своему мѣстоположенію, скоро можетъ придти въ прежнее благостояніе, купилъ ее у своей сестры княгини Софьи Димитріевны и при немъ Угожская волость является центромъ его княжескихъ вотчинъ. Князь Юрій Димитріевичъ передалъ Угожь своему сыну князю Василью

---

*) Ничего подобнаго, однако, нѣтъ въ Собраніи государств. грам. и договоровъ. *Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.*

29) О раззореніи Сулости и Угодичь рукопись П. В. Хлѣбникова говорила слѣдующее: „Въ лѣто 6916, ноября въ 23 день, Угожь и Сулость попали царь Эдигей Татарскій".

Косому. Этотъ князь буйствовалъ здѣсь и производилъ безнаказанно насилія, какъ и въ Ростовѣ, гдѣ онъ правилъ Глѣбовскимъ концомъ [30]). Время управленія его Ростовомъ современники назвали «Шемякинщиной». Оно осталось въ памяти народной и до сихъ поръ, сохраняются въ народѣ два сказанія, относящіяся къ этому времени: „Шемякинъ Судъ“ и „Семь Семіоновъ родныхъ братей“ [31]).

Во время войны князя Георгія Димитріевича и его сыновей съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ битвы не разъ происходили въ предѣлахъ Ростовскихъ. Одна изъ нихъ была близь села Никольскаго что на перевозѣ, по свѣдѣніямъ Хлѣбниковской рукописи, 6 января 6944 (1436) года [32]). Въ память о ней великій князь указалъ дѣлать на

30) Вотъ что говорила объ этомъ рукопись П. В. Хлѣбникова: «И бысть смута и свары року того. Князь Юрій добываше себѣ стола великокняжескаго, по старѣйшеству своему, посла володѣти Глѣбовскимъ концомъ Ростова сына своего Василья, князя Галицкаго. Даде ему и на Угожи дворъ княжей; много добра въ немъ бѣ и борти мнози бяху ту. И держа ту князь Василій нелюбье и посягаже на своихъ. И часто дѣтскія и мечники биша и домы ихъ грабиша, и многу тяготу твориша людемъ продажами и вирами».

31) Сказанія эти напечатаны А. А. Титовымъ въ Москвѣ особой брошюркой, подъ заглавіемъ «Преданія о Ростовскихъ князьяхъ» (1885).

32) Село Никольское что на перевозѣ получило это прозваніе, по словамъ Хлѣбниковской рукописи, по слѣдующему поводу: у князя Константина Всеволодовича слетѣлъ однажды его любимый соколъ; сокольникъ долго искалъ его, но безуспѣшно. На возвратномъ пути въ Ростовъ перевезъ его чрезъ рѣку никому неизвѣстный перевозчикъ-старичекъ къ тому самому мѣсту, гдѣ стоитъ нынѣ церковь села Никольскаго. Тамъ онъ нашелъ, по слову перевозчика, своего сокола; несмотря на тщательный розыскъ, старичка-перевозчика нигдѣ не могли найти. Тогда князь сказалъ сокольнику: «видно, тебя Микола перевезъ», и велѣлъ построить на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ соколъ, церковь во имя св. Николая Чудотворца

льду Ростовскаго озера крестъ для освященія воды въ день Богоявленія Господня [33]). Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ битвы, великій князь пріѣзжалъ въ Ростовъ съ своей супругой великою княгинею Маріей Ярославовной и дѣтьми на св. пасху, для поклоненія святителю Леонтію; въ это же время посѣтилъ онъ и Угожь. Не долго была Угожь за княземъ Василіемъ Косымъ: онъ промѣнялся ею съ дядькой своимъ, княземъ Димитріемъ Димитріевичемъ Пріимковымъ-Третьякомъ. По смерти князя Пріимкова-Третьяка, Угожь перешла къ его сыну князю Андрею Пріимкову-Збродичу; но обстоятельства заставили его продать ее князю Андрею Ѳеодоровичу Голубому, который, въ свой чередъ, продалъ ее великому князю Ивану Васильевичу. Во время нѣсколькихъ путешествій великаго князя въ Ростовъ на богомолье, онъ посѣщалъ и Угожь.

Великій князь Василій Ивановичъ съ своей супругой великою княгинею Соломоніей и зятемъ царевичемъ Петромъ, въ бытность свою въ Ростовѣ, также былъ въ Угожи и занималъ здѣсь домъ, принадлежавшій Ростовскому намѣстнику, князю Никитѣ Борисовичу Пріимкову. Наконецъ, не задолго до своей кончины, великій князь снова пріѣзжалъ въ Ростовъ съ супругой своей великою княгинею Еленой Васильевной поклониться святителю Леонтію, а оттуда ходилъ на Угожь смотрѣть на подледный ловъ рыбы въ озерѣ, производимый государевыми рыбками и, вскорѣ послѣ этого посѣщенія, пожаловалъ Угожь Ростовскому намѣстнику, князю Василію Васильевичу Пріимкову-Волку.

Въ XVI вѣкѣ Угожь въ актахъ уже носитъ теперешнее свое имя—Угодичи. Въ первой половинѣ этого вѣка это село принадлежало Никитѣ Грузову, а затѣмъ женѣ князя Василія Львовича Глинскаго, княгинѣ Аннѣ, приходившейся бабкой царю Іоанну Васильевичу Грозному. Въ апрѣлѣ 1552 года она получила на Угодичи царскую жалованную грамоту [34]).

---

33) Обычай дѣлать въ день Богоявленія Господня при освященіи воды крестъ во льду ведется и въ настоящее время въ Угодичахъ.

34) См. Яросл. Губ. Вѣдомости 1888 года, часть неоф., № 77.

Первый царь земли Русской жаловалъ Угожанъ своими царскими милостями и всякій разъ посѣщалъ это село, когда бывалъ на богомольѣ въ Ростовѣ. Послѣ Казанскаго похода онъ пріѣзжалъ сюда, въ 1553 году, съ Ростовскаго богомолья въ сопровожденіи архіепископа Никандра, Григорья Лукьяновича Малюты-Скуратова-Бѣльскаго и всего своего синклита. Въ эту свою поѣздку царь принесъ въ даръ Угожской Богоявленской церкви Нерукотворенный образъ Спасителя, писанный по мѣрѣ и подобію бывшаго подъ Казанью „большаго стяга“; для колокольни при этой церкви большой колоколъ (около 3 пудовъ вѣсомъ) со своимъ именемъ, а въ Угожскую „судебную избу“ свое „царское лицеизображеніе“, писанное „вапами“ [35]) на доскѣ; цѣловальнику же и старостѣ Сидоркѣ Альтину пожаловалъ горлатную шапку съ запоной и подносъ, на которомъ подносили царю стопу мальвазіи, и приказалъ тому мѣсту, гдѣ стоялъ домъ Сидоркинъ, въ которомъ останавливался царь, зваться „Сидорковымъ концомъ“; наконецъ, велѣлъ пристроить къ Богоявленской церкви два придѣла во имя Казанской Божіей Матери и Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи. Другимъ достопамятнымъ для Угодичъ событіемъ въ царствованіе Грознаго было пребываніе здѣсь въ теченіе нѣкотораго времени у Богоявленскаго попа Василья Мамзерева св. Іоанна Власатаго [36]), по возвращеніи его изъ Владиміра. Память о царѣ Грозномъ долго сохранялась въ Угодичахъ въ двухъ пѣсняхъ, которыя умолкли лишь въ началѣ XIX столѣтія: одна изъ нихъ о «Мамстрюкѣ Темрюковичѣ» или „женитьбѣ царской“, другая „Воротынскій князь“ или „Царскій гнѣвъ на царевича Ѳеодора Ивановича“ [37]). Въ царствованіе Ѳеодора Ивановича Уго-

---

35) Вапа—краска.

36) Св. Іоаннъ Власатый подвизался въ Ростовѣ и преставился 3 сентября 1580 года.

37) Обѣ пѣсни напечатаны въ Воспоминаніяхъ А. Я. Артынова (см. Чтенія въ Московск. Общ. Ист. и Древн. Россійск., 1882, кн. 2, стр. 71—75). Герой первой пѣсни, Ивашка, побѣдившій въ единоборствѣ царскаго шурина Мамстрюка Темрюковича, по

дичи принадлежали боярину князю Ивану Михайловичу Глинскому (см. подтвержденіе 1588 года на жалованной грамотѣ 1552 года, напеч. въ Яросл. Губ. Вѣд. 1888 года, ч. неоф., № 77).

Подобно отцу, и царь Ѳеодоръ Ивановичъ даривалъ «села Угодичь рыболовей», когда они пріѣзжали въ Москву къ государеву двору съ рыбнымъ сброкомъ, и въ знакъ особеннаго благоволенія далъ имъ тарханную грамоту на имя старосты Тимошки Альтина съ товарищи. По смерти царя Ѳеодора Ивановича Угодичи стали въ рядъ дворцовыхъ вотчинъ. По вступленіи на престолъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, Угодичи обратили на себя его вниманіе по смежности ихъ съ

словамъ рукописи крестьянина села Угодичь М Д. Альтина-Артынова, былъ царскимъ рыбнымъ ловцомъ, жителемъ села Угодичь. Царь за побѣду Ивашки пожаловалъ его ласковымъ словомъ за то, что «не сорамилъ онъ царство Русское», и, сверхъ того, далъ ему въ отчину въ Якимовскомъ стану пустошь подъ названіемъ «Зубарихино гнѣздо», а въ ней земли паханыя семь четей съ осьминою и получетвериком въ поле, а въ дву по томужъ; сѣна на пустоши и по заполицамъ тридцать пять копенъ (нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ село Ивашево). Тамъ Ивашка построилъ себѣ домъ и женился на Матренищѣ Силуяновой, дочери Потанинои, родомъ изъ Угодичей. У нихъ былъ сынъ «Зорко-Звага-Вихорь», который перешелъ на житье изъ Зубарихина-гнѣзда въ Угодичи и здѣсь извѣстенъ былъ подъ именемъ «Ивашкова». По словамъ той же рукописи М. Артынова, герой и второй пѣсни, Жданикъ Кошеваровъ, пожертвовавшій жизнью за царевича Ѳеодора Іоанновича, былъ тоже родомъ изъ села Угодичь. Когда Ѳеодоръ Іоанновичъ вступилъ на царство, то онъ вспомнилъ о поступкѣ Жданика, излилъ свои милости на престарѣлыхъ его родителей и на младшаго сына ихъ Вахрушку и пожаловалъ имъ деньги на постройку дома близъ «панской могилы». Панская могила видна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ восточной стороны «чистаго пруда» на лѣвомъ берегу ручья, огибающаго этотъ прудъ. Нынѣ это мѣсто обращено въ огороды, а часть его занимаютъ крестьянскія бани.

бывшими его боярскими вотчинами. Онъ даровалъ этому селу разныя льготы и, наконецъ, пожаловалъ Угодичи „съ деревнями и со всѣми угодьи и рыбными ловлями“ Томилѣ Юдину Луговскому (извѣстному впослѣдствіи думному дьяку) «за Московское осадное сидѣнье» 7117 (1609) года. Пожалованіе это, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, было дорого для Томилы еще тѣмъ, что не далеко отсюда была родовая вотчина его предковъ— „Лугово дворище“. Такъ какъ государственныя дѣла требовали присутствія Томилы въ Москвѣ, то наблюденіе за новопожалованной вотчиной онъ поручилъ своей женѣ Маріѣ Андреевнѣ, дочери князя Андрея Ивановича Пріимкова, и старостѣ Тимошкѣ Сидоркову Альтину.

Въ смутное время Ростовъ и его окрестности подвергались набѣгамъ Польскихъ отрядовъ. Такіе отряды разграбили и сожгли нѣсколько домовъ и въ Угодичахъ, а въ деревнѣ Трясловѣ Поляки убили церковнаго цѣловальника Русинку Григорьева, а добро его все разграбили. Когда князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій двинулся съ своими дружинами на спасеніе Москвы, то въ Ростовѣ остановился онъ дневать въ домѣ Томилы Луговскаго [38]), а хозяйка дома, Марья Андреевна Луговская, представила ему при этомъ, сверхъ ратной розмети, охотниковъ-бобылей села Угодичь; во главѣ ихъ былъ Васька

---

38) У Томилы Луговскаго въ Ростовѣ было два дома. Одинъ близъ церкви св. архидіакона Стефана, по словамъ рукописи М. Артынова, былъ разоренъ и сожженъ Поляками. О немъ въ «Подворномъ спискѣ города Ростова», писанномъ въ началѣ XVII столѣтія и находившемся въ библіотекѣ П. В. Хлѣбникова, было сказано: „Въ Стефановой сотнѣ домъ думнаго дьяка Томилы Луговскаго, въ длину дваццать двѣ сажени, поперегъ шестнадцать саженъ; а нынѣ то мѣсто пашетъ пустошью Савва Калашникъ да попъ Василій Мамзеревъ». Второй домъ стоялъ близъ церкви Исидора Блаженнаго. Отъ Луговскихъ онъ перешелъ покупкою къ именитымъ людямъ Димитрію и сыну его Григорью Строгановымъ. Въ этомъ домѣ и дневалъ князь Пожарскій. Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ одиноко питейный домъ.

Артемкинъ-Альтинъ, прозвищемъ Вихорь. Такая же честь выпала на долю Марьи Андреевны впослѣдствіи, при встрѣчѣ новоизбраннаго царя Михаила Ѳеодоровича съ его матерью въ Ростовской красной палатѣ; честь эту раздѣляла тогда и сноха Марьи Андреевны—Ульяна Яковлевна, жена Ивана Томилина Луговскаго. Между тѣмъ самъ Томила, какъ извѣстно, томился въ плѣну въ Польшѣ, вмѣстѣ съ отцомъ Государевымъ, Филаретомъ Никитичемъ, митрополитомъ Ростовскимъ, и вмѣстѣ съ нимъ же вернулся изъ плѣна только въ іюнѣ 1619 года. По возвращеніи своемъ въ Россію, Томила не замедлилъ побывать и въ Угодичахъ. Этотъ пріѣздъ его былъ достопамятенъ для Угожанъ тѣмъ, что Луговской прибылъ сюда не одинъ, а съ чудотворной иконой Молчанской Божіей Матери. Вскорѣ по возвращеніи Томилы изъ плѣна, ему была дана на Угодичи жалованная грамота царя Михаила Ѳеодоровича, которою, по исчисленіи заслугъ Томилы Луговскаго государству въ смутное время, подтверждена грамота, данная ему царемъ Василіемъ Шуйскимъ съ слѣдующимъ поясненіемъ: „озеромъ Ростовскимъ со всѣми втекающими и истекающими изъ него рѣками и рѣчками и рыбными ловлями пользоваться ему, Томилѣ, безоброчно *)». Въ 1629—1631 гг. была составлена писцовая книга селу Угодичамъ [39]).

---

*) Въ печатномъ описаніи Угодичь (1855 года) г. Артыновъ упоминалъ о двухъ жалованныхъ грамотахъ царя Михаила Ѳеодоровича Томилѣ Луговскому, 1621 и 1629 гг. Грамотою 1621 года было дано Луговскому право на рыбную ловлю въ Ростовскомъ озерѣ отъ межи села Воржи до межи села Сулости «промежъ тѣхъ межъ на двѣ версты», грамотою же 1629 года подтверждено было это право, съ распространеніемъ его на входящія и исходящія рѣки (см. стр. 7 и примѣч. 6 и 7).

Примѣч. Редактора Ѳ. А. Бычкова.

39) Здѣсь приводятся выдержки изъ „Выписи съ писцовой книги Ростовскаго уѣзда, письма и мѣры князя Андрея Звенигородскаго да дьяка Михаила Бухарова 7137—138 и 139 году (т. е. 1629—31 гг.)“, касающіяся Угодичь. Въ Якимовскомъ стану въ вотчинныхъ книгахъ написано: за Томиломъ Юдинымъ сы-

Послѣ Томилы, за преждевременной смертью сына его

номъ Луговскимъ въ вотчинѣ за царя Василья Ивановича Шуйскаго Московское осадное сидѣнье по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси жалованной грамотѣ за приписью дьяка Грязева во 128 (т. е. 1620) году село Угодичи, у Ростовскаго озера, на рѣчкѣ Вороболкѣ. А въ селѣ Угодичахъ: церковь Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа древяна въ верхъ, да церковь съ трапезою верховныхъ апостолъ Петра и Павла, да на могильницахъ церковь Архистратига Михаила, да церковь сооружена вновь Николы Чудотворца древяна клѣцки.... А у церкви Богоявленія Господня и у Петра и Павла во дворѣ попъ Леонтій Васильевъ... Да у церкви Архистратига Михаила, да у Николы Чудотворца во дворѣ попъ Ѳеодоръ Павловъ... Въ селѣ жъ дворъ вотчинниковъ, дворъ конюшенной, да дворы дѣловыхъ людей... Да въ селѣ жъ дворъ скотній, а въ немъ живутъ скотники, за четырми вороты, а разгорожено на четверо для того, что скотину большую, и малую, и мелкую пригоняютъ порознь по дворамъ... Да въ селѣ жъ бобыли кормятся рыбною ловлею и огородною пашнею, а пашни на вотчинника и на себя ничего не пашутъ. А полевую пашню въ селѣ изстари и нынѣ пашутъ на вотченника дѣловые люди, изъ деревень крестьяна, наѣздомъ... Пашни паханыя середнія земли въ Угодичахъ пашутъ на вотченника дѣловые люди, изъ деревень крестьяна, наѣздомъ сорокъ четвертей, да перелогомъ одиннадцать четвертей въ полѣ, а въ дву по томужъ,—да меньшаго поля, что отъ монастырской деревни Борисовской Ростовскаго Андреевскаго монастыря.

Въ Угодской рощѣ новыя роспаши четыре десятины, да того жъ поля на «борку» лѣсовой поросли семь десятинъ... Подъ селомъ же Угодичами, подлѣ берега, въ Ростовскомъ озерѣ рыбная ловля отъ межи митрополичія села Воржи.

Отъ трестянаго плаву, отъ Михеева богача, а въ другую сторону отъ села отъ Сулости, отъ грудныя ловли, отъ поддубныя трясины села Сулости крестьянина Богдашки Хлудова, что въ межахъ села Угодичь съ крестьяниномъ съ Васькой Истомина съ грудной же ловлею, въ длину промежъ тѣхъ межъ на двѣ версты. А строятъ тое рыбную грудную ловлю села Угодичь крестьяна въ озерѣ—лѣтомъ мечутъ хворостъ, а въ осень бьютъ

Ивана, Угодичи перешли къ его внуку Алексѣю Ивановичу

колье, а промежь кольевъ мечутъ хворостъ мозжевеловой, а огораживаютъ котцами и ловятъ саками, неводами и удами, и всякими ловлями послѣ государевыхъ послѣднихъ ловцовъ. Да къ тому жъ селу Угодичамъ по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи жалованной грамотѣ вотчинной написано угодья рыбныхъ ловель въ Ростовскомъ озерѣ, и въ рѣкѣ Гдѣ, и въ Устьѣ, и въ Которости. Подъ селомъ же Угодичами прудокъ старинной, а земля по обѣ стороны села Угодичь, а смежная съ пашней Андреевскаго монастыря деревнею Борисовскою. Да къ тому жъ селу Угодичамъ лѣсу рощи осиновой семдесятъ десятинъ.

Роща эта въ настоящее время не существуетъ; въ 1866 году, 20 и 21 мая, поразила ее «гусеница»; она не оставила ни одного зеленаго листа во всей рощѣ, все поѣла. Это былъ сѣроватый черноголовый червь, длиною въ вершокъ, потомъ заткался въ паутину на стволахъ дерева и на голыхъ вѣтвяхъ, чрезъ нѣсколько времени превратился въ бѣлокрылыхъ бабочекъ и улетѣлъ. Зимой того же года рощу продали на срубъ. Сообщаю и нѣкоторыя другія объяснительныя примѣчанія:

Село Воржа. О немъ вотъ что говорила рукопись Хлѣбникова:, первоначально на этомъ мѣстѣ, среди полей, засѣянныхъ рожью, стоялъ теремъ князя Василья Юрьевича Косого, гдѣ чинилъ онъ всякія безчинства. Этотъ теремъ и получилъ отъ полей имя «Воржи».

У кого пропадетъ дочь или жена и при отыскиваніи ихъ станутъ спрашивать о нихъ у другихъ, на это получали всегда въ отвѣтъ: „ищи во ржи княжей“ —Рукопись М. Артынова объ этомъ говоритъ слѣдующее: «Послѣ князя Василія Юрьевича на мѣстѣ его терема стояла деревня «Воржа», которую царь Иванъ Васильевичъ Грозный приложилъ Ростовскому архіерейскому дому по душѣ своей. Въ 1608 году, октября въ 1 день, шайка Ляховъ, изъ отрядовъ Лисовскаго и Микульскаго, разграбила село Угодичи, а деревни Воржи не видала; въ память этого Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ построилъ тутъ церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. «Трестяный плавъ»—въ то время это было живое урочище-трясина между селомъ Угодичами и

Луговскому, но онъ вскорѣ продалъ *) это имѣніе женѣ стольника Алексѣя Богдановича Мусина-Пушкина, Иринѣ Михайловнѣ. По смерти Ирины Михайловны помѣщикомъ Угодичскимъ сдѣлался сынъ ея, Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ. Этотъ добрый для крестьянъ боярин имѣлъ счастіе принимать у себя въ Угодичахъ царя Петра Алексѣевича. Отсюда царь ѣздилъ въ Богородское-Козохово, имѣніе боярина Якова Ѳеодоровича Долгорукова, а на обратномъ пути за деревней Уткинымъ на пашнѣ Выползова милостиво разговаривалъ съ крестьяниномъ той деревни Алексѣемъ Молодяемъ. По возвращеніи царя изъ Козохова въ Угодичи, Иванъ Алексѣевичъ представилъ новопожалованнаго капрала героя тогдашней Шведской войны Ивана Поповича, который съ тестемъ своимъ, попомъ города Олопца, Иваномъ Окуловымъ и съ охотниками

Воржею. Въ древности, по мѣстному преданію, мѣсто это называлось „гусятникомъ“. Тамъ на жидкомъ трестяномъ плаву любили садиться дикіе гуси. Однажды экономъ Томилы Луговскаго Васька Михайловъ намочилъ въ винѣ гороху и накормилъ имъ гусей, пьяныхъ наловилъ ихъ два веретища и принесъ ихъ на боярскій дворъ. Нынѣ мѣсто это сѣнокосный лугъ и называется «трестянки». «Поддубная трясина» находится между верховьемъ рѣки Вексы, вытекающей изъ Ростовскаго озера, и селомъ Сулостью, на берегу озера. Эта «поддубная трясина» въ древности была подлѣ дубовой рощи, границей между ней и озеромъ—у Бѣлогостицкаго монастыря. Изъ береговъ рѣки и въ настоящее время вымываетъ вѣковые дубовые залежни.

По словамъ рукописи М. Артынова, Томила Луговской умеръ въ Ростовѣ въ лѣто 7151 (т. е. 1643) маія въ 17 день и погребенъ тамъ близъ своего дома въ приходѣ св архидіакона Стефана, съ южной стороны этой церкви.

*) Въ печатномъ описаніи Угодичь (1855 года) г. Артыновъ говорилъ, что Угодичи проданы были вдовѣ стольника А. Б. Мусина-Пушкина, Иринѣ Михайловнѣ, въ 1670 году, однимъ изъ наслѣдниковъ Томилы, Ильею Луговскимъ (стр. 7).

Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.

ходилъ на Шведскій рубежъ, разбилъ тамъ четыре Шведскія заставы и взялъ много военнаго оружія. Возвращаясь по озеру въ Ростовъ, Государь былъ очень веселъ, шутилъ надъ боярином̀ъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ и смѣялся, что онъ вмѣсто Каснія катаетъ его по «Ростовской лужѣ». Мусинъ-Пушкинъ подхватилъ это слово и говорилъ царю о томъ, какіе бы эта „лужа“ могла приносить доходы казнѣ, если бы взять отъ монастырей всѣ принадлежащія имъ рыбныя ловли въ казну. Государь хотѣлъ объ этомъ подумать, когда пріѣдетъ въ Москву. Впослѣдствіи, по совѣту боярина, царь взялъ отъ монастырей какъ Ростовское озеро, такъ и всѣ принадлежащія къ нему рѣки и рѣчки съ рыбными ловлями въ дворцовое вѣдомство, отъ котораго какъ озеро, такъ и рѣчки отдавались Мусину-Пушкину въ оброчное содержаніе. Такимъ порядкомъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ содержалъ на оброкѣ рыбныя ловли до Полтавской битвы, послѣ которой царскою грамотою пожаловано ему Ростовское озеро съ рѣками и рѣчками и со всѣми рыбными ловлями въ безоброчное владѣніе, не въ примѣръ другимъ. Съ воспоминаніемъ о графѣ Иванѣ Алексѣевичѣ Мусинѣ-Пушкинѣ тѣсно связана память о другомъ знаменитомъ мужѣ того времени—св. Димитріѣ, митрополитѣ Ростовскомъ, всегда питавшемъ искреннее уваженіе къ семейству этого вельможи. Не задолго до своей блаженной кончины, святитель самъ освящалъ въ Угодичахъ новопостроенную тогда на «могильницахъ» каменную церковь во имя св. Николая Чутотворца. Почти одновременно съ этимъ царь Петръ Алексѣевичъ выразилъ свое вниманіе къ И. А. Мусину-Пушкину, пожаловавъ ему, при грамотѣ, икону Владимірской Божіей Матери изъ своей собственной походной церкви. Передъ своею смертію графъ Мусинъ-Пушкинъ завѣщалъ эту икону Угодичской Богоявленской церкви.

По разсказамъ старожиловъ, императоръ Петръ II, бывъ инкогнито къ Ростовскомъ округѣ, въ имѣніи князей Долгорукихъ, селѣ Климатинѣ [40]), а затѣмъ посѣтилъ въ Угодичахъ

40) О селѣ Климатинѣ рукопись Е. В. Трехлѣтова говорила слѣдующее: «Село Климатино стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ»

престарѣлаго любимца Петра I-го, графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина [41]). По смерти графа Ивана Алексѣевича

гдѣ стоялъ теремъ какой то баснословной княгини «царь-дѣвицы», которую одинъ инородный царь плѣнилъ и за сокрытіе сокровищъ ея мужа приказалъ разорвать конями». Священникъ села Порѣчья-Рыбнаго Іоаннъ Яковлевичъ Никольскій сообщилъ слѣдующее народное преданіе: сокровище это, будто бы, зарыто на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ приходская церковь села Климатина; здѣсь, будто бы, по временамъ, въ полночь, слышится колокольный звонъ и голосъ плачущей женщины.

41) Изъ Климатина Императоръ Петръ II имѣлъ намѣреніе на стругахъ изъ села Порѣчья-Рыбнаго, рѣкою Которостью, сходить въ Ярославль, но прежде этого на пути своемъ посѣтилъ въ Угодичахъ графа И. А. Мусина-Пушкина.—Пользуюсь случаемъ, чтобы сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о селѣ Порѣчьѣ. По словамъ рукописи Е. В. Трехлѣтова, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла деревянная церковь села Порѣчья во имя св. верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, стоялъ теремъ той же (т. е. упомянутой выше, въ предыдущемъ примѣчаніи) «царь-дѣвицы». Въ настоящее время мѣсто это находится близъ мукомольной мельницы того села.

Это замѣчательное село Ростовскаго уѣзда стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, котораго часть принадлежала сперва Ростовскому князю Ивану Андреевичу Голенѣ, а потомъ князю Ивану Андреевичу Брюхатому-Щепину а другая часть боярину Ростовскому Аверкію (этотъ Аверкій былъ современникъ Кириллу, отцу преподобнаго Сергія Радонежскаго). Память объ Аверкіи удержалась въ Порѣчьѣ въ наименованіи пожни «Аверкіевой», принадлежащей селу Порѣчью (можно предполагать отсюда связь съ Аверкіемъ и «Аверкіевой пожней» преданія о „Сергіевомъ колодцѣ“, что̀ близъ шоссейной дороги, на Порѣцкой землѣ. Замѣтка Ѳ. Н—го). Въ XV столѣтіи сказанное село было извѣстно подъ именемъ „Порѣчья-стараго“ (можетъ быть, въ отличіе отъ «Порѣчья-новаго», что̀ нынѣ деревня «Ново». Замѣтка Ѳ. Н—го), какъ мѣсто сбора соколиной княжей охоты. Часть его принадлежала въ то время Троице-Сергіеву монастырю, а часть—князю

(† 1729 г.), во владѣніе Угодичами вступилъ его сынъ графъ

Ивану Ивановичу Пужбольскому-Вершѣ, а послѣ него—князю Ивану Ивановичу Янову.

Въ началѣ XVI вѣка тутъ же была отчина и теремъ князя Петра Димитріевича Безсчастнаго: сверхъ того, часть Порѣчья принадлежала Третьяку Далматову, еще другая часть—боярину Захаріи Первый поставилъ церковь св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла и оградилъ оградою въ замѣть. Второй былъ дьякъ великаго князя Василія Іоанновича и пользовался большимъ вліяніемъ въ государственныхъ дѣлахъ. Третій былъ бояриномъ князя Михаила Никитича Нелюба-Пріимкова Въ Порѣчьѣ есть пожни «Далматовка» и заливъ на озерѣ, называемый «Захарьино-Макарьино озеро». Въ концѣ того же столѣтія тутъ же какая то часть принадлежала князю Якову Борисовичу Щепину. Построена была другая церковь во имя св. великомученика Никиты. Въ грамотѣ царя Ивана Васильевича Грознаго было сказано: „нашего Ростовской округи Порѣчья-Новаго, что̀ на рѣкѣ Гдѣ, ловить своими неводы шестую рыбу про богомольца нашего, Ростовскаго архіепископа Никандру". Изъ писцовой книги села Порѣчья видно, что въ XVII столѣтіи одна часть его принадлежала Ростовскому архіерейскому дому, а другая часть была Государева. Изъ этой книги видно, что оно тогда называлась уже селомъ Порѣчьемъ и заключало въ себѣ: двадцать дворовъ, пятнадцать полудворовъ, шесть дворовъ третныхъ и тридцать два четвертныхъ; оброку велѣно было платить двадцать восемь рублей восемь алтынъ съ деньгой. Въ XVII вѣкѣ въ Порѣчьѣ были тѣ же улицы по числу, мѣстоположенію и наименованію, какъ теперь; каждую недѣлю по середамъ производились торги; площадь занята была торговыми лавками и столами: хлѣбопашенной земли не было; по обѣ стороны рѣки Гды были дворы, огороды, выгонныя земли и всякія угодья; въ верхнемъ концѣ села рѣка запружена была государевою мельницей. съ южной стороны села стояли пять кузницъ. съ которыхъ брались пошлины въ государеву казну по три деньги съ каждой кузницы. «Да въ селѣ жъ деревянная церковь съ трапезою верховныхъ апостолъ Петра и Павла, съ шатровымъ верхомъ и колокольнею и деревянною въ замѣть оградою», гово-

Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ. Онъ заставилъ старыхъ Угожанъ со слезами вспоминать объ его отцѣ. Неумѣренныя требованія графа Платона Ивановича, особенно при сборѣ оброка, были весьма тяжелы для крестьянъ. Но графъ Платонъ Ивановичъ оставался глухъ къ ихъ воплю. Время это, хотя и непродолжительное, осталось въ памяти Угожанъ подъ прозвищемъ «Платоновщины». Къ счастію Угожанъ, неожиданно, по волѣ императрицы Елизаветы Петровны, Угодичи были взяты въ дворцовое вѣдомство *). Въ Угодичскихъ актахъ упоминается отчасти о сынѣ графа П. И. Мусина-Пушкина, генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Валеріанѣ Платоновичѣ и его ординарцѣ, уроженцѣ села Угодичъ, Василіи Ивановѣ Щановѣ. Этотъ солдатъ Щановъ дважды былъ прикомандированъ къ бывшему Ростовскому митрополиту Арсенію Маціевичу, когда онъ былъ простымъ уже монахомъ въ заточеніи и именовался «Андреемъ вралемъ» **). Тѣ же акты говорятъ, что съ поступленіемъ Угодичъ въ дворцовое вѣдомство настали „злые дни“

рится въ той же писцовой книгѣ. Наконецъ, царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами Порѣчье отдано было «въ домъ Пресвятыя Богородицы и Ростовскихъ чудотворцевъ» преосвященному митрополиту Іонѣ Ростовскому и Ярославскому.

*) Не ошибается ли г. Артыновъ? Какъ извѣстно, графъ П. И. Мусинъ-Пушкинъ, за участіе въ извѣстномъ дѣлѣ А. П. Волынскаго, былъ сосланъ въ іюлѣ 1740 года, по вырѣзаніи у него языка, въ Соловецкій монастырь, откуда былъ возвращенъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. По указу императрицы Анны Іоанновны, отъ 29 іюля 1740 года, отписныя деревни графа П. И. Мусина-Пушкина были приписаны къ дворцовымъ волостямъ (См. Барановъ, Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніемъ, хранящимся въ СПБ. Сенатскомъ Архивѣ, т. II, № 7767).

Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.

**) Объ этомъ Щановѣ болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются въ XIII главѣ «Воспоминаній» А. Я. Артынова, напеч. въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ 1882 года.

Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.

для этого села. Старожилы разсказывали много печальнаго о самовольныхъ и притѣснительныхъ поступкахъ лицъ, управлявшихъ Угодичами; это, по ихъ разсказамъ, была та же «Платоновщина». Но все это скоро было забыто, когда Императрица Екатерина II пожаловала *) Угодичи вдовѣ князя Петра Михайловича Голицына, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, урожденной Каръ Съ селомъ перешло къ княгинѣ и озеро со всѣми рѣками и рѣчками и со всѣми рыбными ловлями. Не излишне упомянуть здѣсь о бытности въ Угодичахъ князя Григорья Григорьевича Орлова для молебствія предъ икопою Молчанской Богоматери. Княгиня Екатерина Алексѣевна учинила генеральное межеваніе своимъ дачамъ чрезъ землемѣра Николая Петрова Арцыбашева. По предложенію княгини, пріѣхалъ въ Угодичи разсѣять свою тоску и уныніе, послѣ неудачной экспедиціи противъ Пугачева, родной братъ Екатерины Алексѣевны, генералъ-маіоръ Василій Алексѣевичъ Каръ. Памятникомъ пребыванія его здѣсь является, между прочимъ, «чистый прудъ», выкопанный по его совѣту. Для управленія Угодичской вотчиной, на смѣну старшаго брата, княгиня пригласила младшаго, Филиппа Алексѣевича Каръ съ его женой. Но здѣсь молодые супруги скоро разсорились и разошлись.

Послѣ того одинокая и неприличная жизнь Филиппа Алексѣевича опротивѣла его сестрѣ; она выслала его изъ Угодичь въ сельцо Искадьево, Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, гдѣ онъ и прожилъ около семи лѣтъ, но послѣ опять пріѣхалъ въ Угодичи. Чувствовавшійся Угожанами недостатокъ земли княгиня пополнила пустошью „Козино“, купленною у помѣщиковъ Внуковыхъ. Къ довершенію всего, она исходатай-

*) Не Императрица Екатерина II пожаловала Угодичи княгинѣ Голицыной, а Императоръ Петръ III. Указъ Сенату состоялся 13 марта 1762 года. Въ Угодичахъ числилось тогда 946 душъ крестьянъ. (См. Барановъ, Опись Высочайшимъ указомъ и повелѣніямъ, хранящ. въ СПБ. Сенатскомъ Архивѣ, томъ III, № 12044). *Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.*

ствовала у святѣйшаго синода благословеніе на каждогодный пріемъ въ Угодичи изъ Порѣчья-Рыбнаго принадлежащей Ростовскому собору иконы Владимірской Божіей Матери.

Въ преклонныхъ лѣтахъ княгиня Голицына передала Угодичскую вотчину, по духовному завѣщанію, своему брату Филиппу Алексѣевичу Каръ, а князю Александру Михайловичу Голицыну подарила „на уху“ рыболовный язь на рѣкѣ Вексѣ. Въ первый годъ по вступленіи Кара во владѣніе Угодичской вотчиной пожаръ испепелилъ половину села „Сидоркова“, «Перевозны» и „Десятки“. Въ утѣшеніе Кару послѣдовало рѣшеніе въ его пользу процесса съ бригадиромъ Алмазовымъ о рыбной ловлѣ на рѣкѣ Ишнѣ. Не долго добрый баринъ пользовался плодами своихъ трудовъ: преклонныя лѣта побудили Филиппа Алексѣевича позаботиться о будущемъ благосостояніи своихъ крестьянъ: онъ уволилъ ихъ въ 1809 году въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ *), въ которомъ они состояли до 1848 года, когда были переименованы въ государственные крестьяне.

Угодичи находятся на восточномъ берегу Ростовскаго озера, въ разстояніи верстъ пяти отъ Ростова. Мѣстоположеніе живописное. Село расположено въ шесть улицъ. Первая и главная улица—Богоявленско-Никольская, которая на двухверстномъ протяженіи съ юга на сѣверъ дѣлится на четыре части: Богоявленскую, Завражье, Никольскую и Конецкую. Вторая улица—Прудная; третья—Кабацкая; четвертая—Банная; пятая—Запрудная; шестая—Вѣшка. Все село распредѣлено на четыре десятка: прудный—торговый; середній—Сидоровъ; овинный—Богоявленскій и конецкій—перевозный. Разстояніе села отъ озера около версты. Угодичи занимаютъ пространство около трехъ квадратныхъ верстъ, окружность же села съ огородами—около семи верстъ. Въ селѣ находятся 320 домовъ, въ томъ числѣ: девять каменныхъ, восемь полукаменныхъ и четырнадцать на

---

*) Подробности объ этомъ см. въ 1-й главѣ «Воспоминаній» А. Я. Артынова. *Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.*

каменномъ фундаментѣ. Постройка здѣсь имѣетъ свои особенности: дома прежняго и настоящаго времени большею частію о пяти и шести окнахъ на улицу, съ высокими тесовыми крышами, многіе въ два этажа. Въ каждомъ домѣ, кромѣ кухни, одна или двѣ чистыя комнаты съ изразцовой печью или лежанкой. Дворъ двухъ-этажный, низъ для помѣщенія скота и другихъ принадлежностей сельскаго хозяйства, а верхъ для сѣна и просушки огородныхъ растеній. Крыши на домахъ пирамидальной формы, высокія. На торговой площади помѣщаются Богоявленская церковь, общественный домъ съ волостнымъ правленіемъ и сельскимъ училищемъ, пожарное депо, трактиръ, питейный домъ и гостиный дворъ. По воскресеньямъ бываетъ базаръ. Богоявленская церковь замѣчательна по стѣнной живописи и иконамъ, имѣющимъ историческое значеніе. Между стѣнописными изображеніями первое мѣсто занимаетъ, на горнемъ мѣстѣ алтаря «Взятіе Божіей Матери на небо», копія съ картины Брюллова, и на потолкѣ трапезы «Святая Троица, окруженная девятью чинами ангеловъ». Изъ иконъ особенно примѣчательны: икона Богоявленія Господня—даръ св. епископа Ростовскаго Исаіи (XI вѣка); Нерукотворенный образъ Спасителя—даръ царя Ивана Васильевича Грознаго (XVI вѣка); чудотворная икона Молчанской Божіей Матери—даръ думнаго дьяка Томилы Луговскаго (XVII вѣка); икона Владимірской Божіей Матери—даръ Петра Великаго И. А. Мусину-Пушкину (XVIII вѣка). На двадцати четырехъ мѣстныхъ иконахъ ризы серебряныя.

Примѣненіе основныхъ правилъ „Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“ не стоило въ Угодичахъ особенныхъ хлопотъ, благодаря существовавшимъ тамъ ранѣе порядкамъ, введеннымъ прежними помѣщиками—княгиней Голицыной и Каръ, такъ что и теперь держатся въ селѣ собственно порядки, заведенные означенными помѣщиками. Полновластный распорядитель общественныхъ дѣлъ—это сельскій сходъ; сельскія должностныя лица—отвѣтственные исполнители распоряженій схода. Сходъ указываетъ и повѣряетъ веденіе общественныхъ доходовъ и расходовъ; его же вѣдѣнію подлежатъ:

мѣры предосторожности отъ огня, надзоръ за поведеніемъ крестьянъ, способы къ улучшенію промышленности общими силами, скопленіе денежнаго капитала для ссудо-сберегательной кассы, исполненіе обязательной повинности потомству Кара; удовлетвореніе потребностей: церкви, народнаго образованія, общественнаго призрѣнія, продовольствія, путей сообщенія,—вообще отправленіе лежащихъ на селѣ повинностей государственныхъ, земскихъ, волостныхъ и сельскихъ. Источниками для покрытія расходовъ на эти предметы служатъ, сверхъ подушныхъ и поземельныхъ сборовъ, доходы съ торговой площади и перевоза, аренда рыбной ловли въ рѣкѣ Гдѣ и въ озерѣ, язы въ Вексѣ и другихъ мелкихъ рѣкахъ, сборъ съ трактира и питейнаго дома и т. п. Получаемая съ этихъ статей сумма идетъ на содержаніе правленія и училища, удовлетвореніе дорожной подводной повинности, ремонтъ пожарнаго двора, церковную иллюминацію въ Пасху, пріемъ иконы Владимірской Божіей Матери, расходы на другіе крестные ходы и проч. Что касается домашняго быта Угожанъ, то, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни хлѣбопашества, ни лѣсоводства, то хлѣбъ, дрова и прочія принадлежности обихода покупаются на мѣстномъ рынкѣ, въ Ростовѣ и на сторонѣ. Скотоводство, по недостатку пастбищъ, ограничивается домашними потребностями. Господствующими видами промышленности здѣсь являются: рыболовство *), огородничество, ледоколъ и отчасти лавочная розничная торговля; есть и кое-какіе ремесленники. Была въ старину пашня, но только у помѣщиковъ, у которыхъ поле обработывали тогда деревенской барщиной, безъ участія Угожанъ, на обязанности коихъ лежа-

---

*) Въ Описаніи Угодичъ г. Артынова, напечатанномъ въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1855 года, составителемъ Описанія были сообщены подробныя и интересныя свѣдѣнія о Ростовскомъ озерѣ и способахъ рыбной ловли, употребляемыхъ Угодичскими крестьянами (стр. 10—22). См. также Яросл. Губерн. Вѣдомости, 1851 года, часть неоффиц., №№ 2 и 3.

Примѣч. Ѳ. А. Быкова.

ло только обдѣлывать господскій огородъ, да ловить на барина рыбу. Огородныя растенія—лукъ, чеснокъ и огурцы сбывались, какъ и нынѣ, въ Ростовъ и Ярославль. Кромѣ того, при помѣщикахъ дѣлали кирпичъ и разводили конопляники для масла и пеньки; масло шло къ столу, а пенька на веревки, канаты, рыболовныя сѣти, мережи, невода и другія принадлежности рыболовства. О промыслѣ льдомъ рукописи упоминаютъ уже въ концѣ XVIII столѣтія Льдомъ набивали тогда погреба и подвалы, гдѣ хранилксь заморскія вина, квасы и медъ. Ледопромышленностію занимались, какъ и нынѣ, одни Угожане, которые снабжаютъ льдомъ Ростовъ. В. настоящее время надъ всѣми видами промышленности преобладаетъ огородничество, разведеніе мяты, благовонныхъ травъ, цикорія, гороха, лука, чеснока, картофеля и т. п. Мята, горохъ и цикорій, по обдѣлкѣ на мѣстѣ, расходятся отселѣ по всей Россіи, а лукъ, картофель и чеснокъ—въ окрестностяхъ производства и въ сосѣднихъ уѣздахъ. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, лукъ въ послѣднее время нашелъ себѣ выгодный сбытъ въ губернскихъ городахъ, столицахъ, даже въ Варшавѣ и Финляндіи. За всѣмъ тѣмъ по малоземелію, въ Угодичахъ мѣстное огородничество недостаточно для обезпеченія Угожанъ даже въ насущномъ продовольствіи. Сильнымъ подспорьемъ ему служитъ промышленность, тоже огородная, на сторонѣ—въ городахъ уѣздныхъ, губернскихъ и въ особенности въ столицахъ. Тамъ зажиточные Угожане арендуютъ и крѣпятъ на себя огородные участки, а Угожане средней руки служатъ у нихъ въ работникахъ *). Домашній и общественный бытъ Угожанъ походитъ нынѣ больше на городской, чѣмъ на сельскій. Старинное затворничество дѣвицъ-молодухъ давно не существуетъ. Крупный поворотъ отъ прадѣдовскихъ нравовъ и обычаевъ къ новымъ произошелъ при

---

*) Въ Яросл. Губ. Вѣдомостяхъ 1855 года, часть неоффиц., №№ 9 и 10, г. Артыновымъ были помѣщены подробныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи огородничества въ Угодичахъ.

Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.

помѣщикахъ—княгинѣ Голицыной и Каръ. Эти помѣщики любили, чтобы ихъ крестьяне веселились «на-распашку» и сами тому способствовали, устраивая лѣтомъ на барскомъ дворѣ качели, а зимой катальныя горы на высокихъ столбахъ, украшенныя флагами и фонарями. Подобнаго же рода увеселенія представляли: барщино-господскій сѣнокосъ и выѣздъ Кара на псовую охоту. Этотъ „выѣздъ“ былъ настоящій праздникъ, для дѣтей въ особенности: они толпами бѣжали за помѣщикомъ до мѣста «полеванья», гдѣ подъ конецъ онъ щедро надѣлялъ ихъ пряниками, а самыхъ маленькихъ и усталыхъ отвозилъ оттуда на наемныхъ подводахъ на барскій дворъ. Зимой, по воскресеньямъ, дѣвицы гуляли тогда по улицамъ, попарно, съ „бѣломойными“ саночками *), гуськомъ, пара за парой, а въ торжественные дни ходили хороводами, въ томъ и другомъ случаѣ окруженныя толпами молодцевъ и маменекъ. На зажиточныхъ зрительницахъ были „золотные и низаные жемчугомъ кокошники, съ фатой коноватной“ **), «золотой парчи ферязи съ широкимъ на переди позументомъ и серебряными жуковинами», «юпанечки и тѣлогреи бархатныя». Изъ тѣхъ же принадлежностей состоялъ нарядъ женщинъ средняго состоянія и бѣдныхъ, только съ замѣной парчи и бархата шелковою матеріею, кумачемъ и китайкой. Отличіе дѣвицъ составляли: перевязка и хитросплетенная длинная коса съ широкой и длинной алой лентой. Обыкновенными играми того времени были: горѣлки, мячъ и лапта. Въ настоящее время все измѣнилось. Дѣвицы гуляютъ лѣтомъ въ хороводѣ съ открытой головой, убранной гирляндою

*) Т. е. каждая пара имѣла за собой саночки, съ которыми обыкновенно ѣздятъ съ бѣльемъ на озеро (См. о гуляньяхъ «Воспоминанія» г. Артынова, стр. 36). Эти саночки иногда были порожнія, а иногда на нихъ сажали дѣтей (см. печатн. Описаніе Угодичъ, изданное въ 1855 году, примѣч. 15).

Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.

**) Коноватный—сдѣланный изъ «коновата», рода шелковой матеріи. *Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.*

искусственныхъ цвѣтовъ, въ шелковыхъ платьяхъ, шитыхъ по послѣдней модѣ, а зимой въ салопахъ, крытыхъ бархатомъ или шелковою матеріею, да въ шубкѣ и „дипломатѣ“, съ дорогимъ воротникомъ и шалью; въ рукахъ небольшая муфта. Иначе одѣтая дѣвушка не пойдетъ въ кругъ, а станетъ издали смотрѣть на него и мысленно роптать на свою судьбу, да на домашнихъ. Лѣтнія гульбища молодежи бываютъ на лугу у озера и въ аллеяхъ большой Суздальской дороги, а зимой—на главныхъ сельскихъ улицахъ. Наиболѣе любимыя гулянья: сѣнокосъ, масляница и Ростовская ярмарка. Въ числѣ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій, предразсудковъ и присловій, заслуживаютъ вниманія: *обычаи*: 1) прятать невѣстъ отъ жениха, купаться и обливаться водой, скакать вокругъ огня, представляться въ масляницу къ мѣстнымъ властямъ съ «пряницей» и „Казанскимъ мыломъ“. Обычаи эти въ Угодичахъ сохранились изъ глубокой древности. Рукопись Е. В. Трехлѣтова говорила, что великій князь Владиміръ Святой, будучи еще язычникомъ, «повелѣ постановить посредѣ града Ростова великую божницу, а въ ней бога Велеса, и праздновать ему и богу Купалу—плодовъ земныхъ купаться и обливаться водою и скакать около огня». Это выполняютъ въ Угодичахъ взрослыя дѣвицы: 23 іюня, въ день великомученицы Агриппины, на мѣстномъ нарѣчіи Аграѳены-купальницы, онѣ, съ захожденіемъ солнца, идутъ на озеро купаться. Обычай обливаться водой существовалъ въ Угодичахъ еще въ началѣ XIX столѣтія: обливали, окачивали холодной водой того, кто проспитъ заутреню на св. Пасху. Обычай скакать около огня въ Угодичахъ исполняютъ дѣти при сожженіи „Масляницы“, вечеромъ въ послѣдній день сырной недѣли; они скачутъ около огня съ крикомъ и разными тѣлодвиженіями и, между прочимъ, весьма громко поютъ съ крикомъ: «праведно говѣнье! ....масляница вернула хвостомъ и убѣжала въ Ростовъ!» Обычай ходить въ масляницу къ мѣстнымъ властямъ „съ пряницею“ и „Казанскимъ мыломъ“ ведетъ свое начало, надо думать, отъ временъ татарщины. Вотъ что говорятъ объ этомъ обычаѣ приходо-расходныя книги села Угодичъ 1783 года: „Ходили съ поздравленіемъ выборные люди отъ общества къ бур-

мистру и мірскому старостѣ съ пряницей и Казанскимъ мыломъ; куплено на мірскія деньги, заплачено два рубля съ четвертью“..

Къ числу подобныхъ же обычаевъ должно отнести хожденіе дѣвицъ на богомолье; этотъ обычай, впрочемъ, за послѣднее время сталъ ослабѣвать. Во время Великаго поста, по принятіи Св. Таинъ, онѣ ходятъ молиться въ Ростовъ—въ соборъ и по святымъ обителямъ.

По заведенному обычаю Угожанки ходятъ на богомолье, въ Петровки, къ Іисусову Кресту; весной, въ Николинъ день, къ Николѣ-Дудинку; 24 іюня, въ день Рождества Іоанна Предтечи, въ село Шестаково, а 8 іюля, въ день Казанской Божіей Матери, въ Бѣлостицкій монастырь. На знаменитомъ въ древности „Сахотскомъ болотѣ“, притонѣ волшебниковъ и чародѣевъ при Ростовскихъ князьяхъ, братьяхъ Василіѣ Александровичѣ Ласткѣ и Иванѣ Александровичѣ Лобанѣ, при владыкѣ Ростовскомъ Діонисіи, въ лѣто 6931 (т. е. 1423), мая въ 29 день, явился Животворящій Крестъ Го подень съ иконою св. Николая. Съ Животворящаго Креста князь Василій Александровичъ приказалъ написать вапами *) такихъ четыре креста, одинъ для Ростовскаго Успенскаго собора, другой для брата своего князя Ивана въ село Никольское, третій въ село Угодичи (рукопись М. Артынова говоритъ, что этотъ крестъ думный дьякъ Томила Луговской поставилъ въ новопостроенную имъ деревянную церковь въ Угодичахъ), четвертый въ село Пріимково, въ свою отчину (онъ и въ настоящее время находится тамъ въ трапезной церкви). Село Никола-Дудникъ получило это имя по слѣдующему поводу: 9 мая была тамъ сельская ярмарка, на которой продавались въ большомъ количествѣ дѣтскія игрушки, преимущественно глиняныя дудки, которыя каждый богомолецъ покупалъ для своихъ дѣтей. Причиною образовавшейся тутъ въ древности ярмарки были чудотворные кресты, снесенные туда различными князьями и боярами и при-

*) Вапами, т. е. красками. *Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.*

влекавшіе народъ на богомолье. О нихъ рукопись П. В. Хлѣбникова говорила слѣдующее: «Боярин Ростовскій Аверкій принесъ изъ Греціи св. животворящій крестъ въ лѣто 6830 (т. е. 1322), и по малѣ времени постави оный отъ св. Николы въ отчину свою, деревню Уткино, что на прудѣ. Послѣди быша къ св. Николѣ многіе святые чудотворные кресты различные внесены княземъ Андреемъ Александровичемъ Хохолковымъ, «за не то ево бѣ село». О крестахъ у св. Николы рукопись, принадлежащая А. Артынову, говоритъ слѣдующее: „Въ лѣто 6988 (т. е. 1480) апрѣля въ 17 день, въ архіепископіи Ростовской огорѣ церковь св. Николы и кресты чудны сгорѣша". Нынѣ это село извѣстно болѣе подъ именемъ „Никольскаго-Ошанина". Въ 1764 году оно принадлежало прапорщику Василію Никитичу Ошанину. Въ 1852 году, іюня въ 13 день, въ этомъ селѣ отъ сильнаго громоваго удара на холмистомъ возвышеніи была разметана земля близъ одного крестьянскаго дома; тамъ нашли въ землѣ небольшой рѣзной крестъ съ изображеніемъ Распятія Спасителя, по всѣмъ признакамъ, весьма древній. Молва о такомъ чудесномъ явленіи креста облетѣла окрестности на значительное разстояніе. Послѣдовалъ великій приливъ богомольцевъ; многіе изъ нихъ получали изцѣленіе отъ различныхъ болѣзней. Мѣстный священникъ Митрофанъ Алексѣевъ Верзинъ донесъ обо всемъ епархіальному начальству, которое, вытребовавъ чрезъ него этотъ крестъ къ себѣ, оставило его у себя. О крестѣ въ деревнѣ Уткинѣ вотъ что говоритъ рукопись М. Артынова: «Въ дер. Уткинѣ, въ часовнѣ, стоялъ древній чудотворный осмиконечный крестъ, замѣчательный по размѣрамъ; изображеніе Распятія Спасителя, древняго Греческаго письма; вмѣсто дщицы Пилатовой *) изображенъ шестокрылатый херувимъ. По упраздненіи тамъ, въ 1799 году, часовни, крестъ этотъ и иконы изъ оной перенесены были въ Богоявленскую Угодичскую церковь, гдѣ они и въ на-

*) Дщица (дощечка) Пилатова, т. е. надписаніе: Іисусъ Назорей, Царь Іудейскій. *Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.*

стоящее время находятся". Село Шестаково, по древнимъ рукописямъ, принадлежало богатырю „Ларѣ Шестаку", а наконецъ князю Михаилу Ивановичу Шендану, сыну князя Ивана Ивановича Долгаго Цужбольскаго. Впослѣдствіи времени это село принадлежало владыкамъ Ростовскимъ *); тутъ былъ обширный садъ и рыбные пруды, которые въ настоящее время, вмѣсто воды, изобилуютъ сѣнокосной травой. Бѣлогостицкій монастырь стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Вексы, текущей изъ Ростовскаго озера. Въ древности мѣсто это называлось „рыбный притонъ"; во время язычества здѣсь стоялъ идольскій храмъ; по разрушеніи его христіанами, поставленъ былъ на томъ мѣстѣ небольшой деревянный храмъ во имя св. великомученика Георгія, по словамъ рукописи Е. В. Трехлѣтова.

2) *Крестные ходы:* въ Крещенье, учрежденный великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ; въ первый Спасъ, установленный княземъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ; въ преполовенье, получившій начало отъ перваго Ростовскаго митрополита Варлаама; „пожарный"; „холерный"; „благодарный"; въ день Срѣтенія Владимірской Божіей Матери; въ Рождество Богородицы въ деревню Уткино, учрежденный великой княгинею Еленою, супругою великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, по случаю свирѣпствовавшей тамъ „черной смерти"; туда же, въ день явленія Тихвинской иконы Божіей Матери, крестный ходъ, установленный дочерью Донскаго, княгиней Софьей Димитріевной, по случаю свирѣпствовавшей тамъ болѣзни «прыщъ»; туда же въ третій Спасъ (т. е. 16 августа), по случаю бывшей тамъ холеры; наконецъ, въ деревни Воробылово и Тряслово, въ день Смоленской Божіей Матери, учреж-

---

*) Обычай ходить сюда на богомолье получилъ свое начало во время Ростовской митрополіи, когда архіереи имѣли обыкновеніе лично совершать здѣсь богослуженіе въ день Рождества Іоанна Предтечи. (См. печат. Описаніе Угодичъ, стр. 25).

Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.

денный думнымъ дьякомъ Томилою Юдинымъ Луговскимъ, въ память избавленія отъ нашествія Литвы.

3) *Пивовареніе и ручныя мукомольныя мельницы.* Предки Угожанъ, отъ глубокой старины, на главной свой праздникъ—Крещенье варили „столовое котельное пиво“ одновременно въ трехъ мѣстахъ: у Чистаго пруда, въ Никольскомъ прудѣ „на прудинѣ“ и на „завражьемъ концѣ“—къ Уткину, и шумно праздновали это время, переходя, въ качествѣ гостей, со двора на дворъ; братина съ брагой не сходила со стола; переходамъ изъ улицы въ улицу въ однѣхъ домотканныхъ тусиныхъ и александрійскихъ рубахахъ и безъ шапки на головѣ не мѣшали ни 40-градусный крещенскій морозъ, ни вьюга и сугробы по шею,—все было ни по чемъ *). Мукомольныя ручныя мельницы существовали здѣсь тоже отъ глубокой древности. Предки Угожанъ готовили муку на такихъ мельницахъ предъ самымъ печеньемъ хлѣба и считали ручной хлѣбъ вкуснѣе не ручнаго. Эта фабрикація прекратилась въ Угодичахъ лишь въ началѣ XIX столѣтія.

4) *Завиваніе нитокъ и пѣсня „куколка“*, которыя нынѣ держатся только у дѣвочекъ. Обрядъ „завиванія нитокъ“ производится въ Угодичахъ слѣдующимъ образомъ: въ недѣлю Женъ Мироносицъ небольшія дѣвочки собираются въ домъ одной изъ нихъ и составляютъ изъ нѣсколькихъ нитокъ „плетеницу“ кольцеобразно, которую украшаютъ различными лентами и сквозь нее онѣ поочередно цѣлуются по-парно, каждая съ избранной своей подругой. Это у нихъ называется „кумиться“. Потомъ онѣ вѣшаютъ эту „плетеницу“—кольцо, тайно отъ другихъ, на малиновый или смородинный кустъ, предварительно избравъ изъ среды себя должностныхъ лицъ: куму, подкумье и раскумье.

---

*) Любопытныя подробности о тогдашнемъ пивоваренiи въ Угодичахъ помѣщены г. Артыновымъ въ его «Воспоминаніяхъ», стр. 34—35. Мѣста, гдѣ были „пивные станы“, указаны въ нихъ другія, чѣмъ въ печатаемомъ нынѣ описаніи.

Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.

Въ это время каждая пара имѣетъ все общее между собою, не исключая и пищи, которую приносятъ онѣ съ собою; потомъ изъ общихъ припасовъ изготовляютъ для себя чай и хорошіе обѣдъ и ужинъ. Въ этотъ день, кромѣ кумы и подкумья, ходятъ онѣ къ обѣднѣ, а тѣ въ это время убираютъ въ тайное мѣсто, извѣстное только имъ двумъ, кольцо-плетеницу. Послѣобѣденное время до ужина онѣ проводятъ въ разныхъ играхъ и увеселеніяхъ и пѣніи пѣсенъ. Это первая половина обряда. Вторая половина заканчивается Троицынымъ днемъ: до обѣдни всѣ, кромѣ кумы и подкумья, ищутъ спрятанной плетеницы, а нашедши развиваютъ ленты съ нея и украшаютъ ими березку; потомъ всѣ идутъ къ обѣднѣ, послѣ которой, тоже изъ общихъ припасовъ, пьютъ чай, а затѣмъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда кума беретъ плетеницу, а подкумье разукрашенную лентами березку и всѣ гурьбой съ пѣснями идутъ по улицамъ къ озеру, гдѣ расплетаютъ плетеницу, дѣлятъ ее по частямъ между собою и спускаютъ нитки на воду, выводя изъ этого различныя замѣчанія о своемъ будущемъ. Игры, пѣсни, чай и ужинъ заканчиваютъ этотъ обрядъ. Замѣчательно при этомъ то, что, если которая дѣвица отстанетъ послѣ первой части обряда и не пожелаетъ участвовать въ другой, то она почитается измѣнницей и втеченіе всего лѣта имѣютъ ее въ подозрѣніи и не принимаютъ въ свое общество.

Слова пѣсни „куколка“ слѣдующія:

Куколка, ты куколка,
Не малая-малая,
Зачѣмъ долго не была?
Боялася тіуна *).
Тіунъ тебѣ не судья,
Судья-то владыка;
Владыкины дѣти

*) Въ послѣднее время слово «тіунъ» дѣтьми замѣняется «тиунъ», но старики-крестьяне мнѣ сказывали лично, что еще до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія употреблялось слово «тіунъ».

Хотятъ улетѣти.
Шишелъ, вышелъ,
Вонъ пошелъ.

5) *Повтрья.* 4 марта ожидаютъ грачей и замѣчаютъ: если они съ прилету садятся прямо на гнѣзда, то должно ожидать ранней весны, въ противномъ случаѣ зима еще продолжится. На день 40 мучениковъ ожидаютъ прилета жаворонковъ: если они съ прилета запоютъ, это признакъ скорой весны, а если, прилетѣвши, молчатъ, то будутъ еще держаться морозы. Въ Благовѣщенье каждый домохозяинъ озабочивается имѣть „Благовѣщенскую просвиру“, съ которой онъ начинаетъ свои огородныя работы. Въ Егорьевъ день выгоняютъ скотину на выгонъ и непремѣнно съ той лозой вербы, съ которой стояли заутреню въ Вербное воскресенье. Купаются для здоровья въ Великій Четвертокъ до восхожденія солнца. Въ праздникъ Рождества Христова приготовляютъ „коровки“.

6) *Предразсудки и суевѣрья.* Перейдетъ дорогу кто нибудь изъ церковнаго чина, въ особенности священникъ, или перебѣжитъ дорогу заяцъ не будетъ пути. Сорока прощебечетъ подъ окномъ—вѣсти будутъ. Воронъ прокаркаетъ на дому—быть покойнику. Завоетъ въ домѣ собака—быть бѣдѣ. Умереть въ Пасху—хорошая смерть; умереть въ масляницу—худая смерть.

7) *Присловья.* Они даются или цѣлому округу, какъ напримѣръ Ростовцамъ: «лапшевники», «толстоухіе», или одной мѣстности, какъ Угожанамъ: „ерусалимцы“, „оковники“ и «ерша со звономъ встрѣчали».

8) *Свадебные обряды и обычаи.* Предки Угожанъ начинали свадебное дѣло, какъ и нынѣ, *„сидѣньемъ“*. Для этого посылали въ домъ невѣсты почетную старуху—сваху и, по предварительному соглашенію обѣихъ сторонъ, назначали „день смотринъ“. Въ этотъ день родители и ближайшіе родственники жениха, со свахой впереди, отправлялись въ домъ къ невѣстѣ. Къ жениху съ его свитой выводили невѣсту въ перевязкѣ и кумашникѣ, обутую въ бѣлые шерстяные Угличскіе чулки и коты; впереди свѣтили ей пучкомъ лучины. Затѣмъ на обязанности невѣсты было обнести гостей брагой или квасомъ. Женихъ въ это

время, въ отличіе отъ другихъ, сидѣлъ въ армякѣ, подпоясанный кушакомъ, въ шапкѣ и рукавицахъ. Когда дѣло уладилось, начиналась первая свадебная пирушка, послѣ которой женихъ навѣщалъ по временамъ невѣсту съ «кручинным». Вскорѣ затѣмъ назначался день вѣнчанья, послѣ котораго въ домѣ женихо дѣлалось новобрачной «крученье» *). Вслѣдъ за этимъ начинался «княжій столъ», по окончаніи котораго отводили новобрачныхъ на «подклѣть». Послѣ первой ночи новобрачные ходили въ баню, за которой слѣдовала пирушка, называемая „вскрытье“, а въ вечеру «красный столъ» съ знаменитой «жареной бараньей почкой». У бѣдняковъ „краснаго стола“ и слѣдующихъ за нимъ „почестьевъ“ не было. Въ настоящее время свадебныя пиршества и другіе обряды многосложнѣе и шумнѣе: въ „смотрины“ женихъ, при входѣ въ переднюю невѣсти на дома, снимаетъ съ себя шубу или чуйку на лисьемъ или енотовомъ мѣху, или суконный на мерлушкѣ тулупъ и въ сюртукѣ щеголемъ входитъ въ другой покой, гдѣ ожидаетъ его невѣста, и дѣлаетъ ей съ родными привѣтствіе. Невѣста отвѣчаетъ ему на это скромно. Когда женихъ и его свита сядутъ по своимъ мѣстамъ, невѣста обноситъ ихъ сперва чаемъ, потомъ десертомъ, затѣмъ садится на стулъ противъ жениха и его родныхъ. Въ это время родные жениха ведутъ съ ней разговоръ о различныхъ предметахъ, ея рукодѣльѣ и обыденныхъ занятіяхъ. Такихъ сидѣній женихъ дѣлаетъ по два, по три и болѣе въ одинъ день, получая чрезъ свата и роспись невѣстина приданаго; затѣмъ отецъ и мать жениха посылаютъ къ невѣстѣ свата, чаще сваху, съ предложеніемъ родства, и черезъ нихъ же ведутъ переговоры о замѣченныхъ въ росписи приданаго недостаткахъ, которые вслѣдствіе того пополняются или остаются безъ перемѣны. Нерѣдко при этомъ со стороны невѣстиной родни требуютъ отъ жениха въ пособіе къ свадеб-

---

*) Т. е. у новобрачной заплетались двѣ косы и на голову ей надѣвали женскій повойникъ, съ обыкновеннымъ головнымъ уборомъ замужнихъ женщинъ. *Примѣч. Ѳ. А. Быкова.*

нымъ расходамъ отъ 15 до 100 рублей и болѣе. Это называется „взять на столъ“. Если дѣло съ обѣихъ сторонъ уладилось, договоръ заключается тѣмъ, что сватъ требуетъ невѣсту на лице, беретъ ея руку въ знакъ согласія и, помолясь Богу, беретъ опять ея руку—тѣмъ дѣло и заканчивается. Это называется „ударили по рукамъ“. Послѣ того невѣста посылаетъ со сватомъ жениху и его роднѣ подарки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приглашаетъ къ себѣ жениха, который и является. Ознакомясь, попировавъ, женихъ возвращается домой. Съ этого времени до самаго дня брака онъ утромъ и вечеромъ каждодневный гость у невѣсты, со сватомъ и товарищами, а вечеромъ съ родными, причемъ каждый разъ приноситъ невѣстѣ въ подарокъ различныя закуски, преимущественно орѣховъ для дѣвицъ—подругъ невѣсты, которыя поютъ имъ свадебныя пѣсни. Спустя нѣсколько дней послѣ рукобитья у жениха, бываетъ пирушка для новыхъ гостей, называемая „запой“ *), а послѣ почетный пиръ у невѣсты—„сговоръ“, на который женихъ приноситъ питья для стола и для зрителей; чѣмъ больше напитковъ, тѣмъ свадьба славнѣе. На утро или черезъ нѣсколько дней бываетъ у невѣсты послѣдній столъ „дѣвишникъ“, на который женихъ приноситъ въ подарокъ невѣстѣ подвѣнечное платье и свадебную корзинку съ туалетными принадлежностями, также мелочные подарки для дѣвицъ—ея подругъ, состоящіе больше изъ лентъ, а въ заключеніе всего „пряницу“ (т. е. большой пряникъ). По окончаніи стола, ко времени провода гостей, невѣсту отъ жениха „спрятываютъ“, и когда онъ будетъ отыскивать ее между дѣвицами, ему подставляютъ одну за другой разныхъ старухъ, доколѣ женихъ не сдѣлаетъ приличнаго „выкупа“ подружкамъ его суженой. Послѣ этой церемоніи начинается пиръ собственно дѣвичій, всѣхъ возрастовъ, во время котораго невѣста сидитъ покрытая платкомъ и, наклоня голову, какъ буд-

---

**) Въ печатномъ «Описаніи Угодичъ» 1855 года (стр. 28) г. Артыновъ говоритъ, что «запой» происходитъ въ домѣ невѣсты. *Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.*

то въ великой печали, начинаетъ плакать съ причетами о прошломъ и будущемъ житьѣ-бытьѣ. Въ случаѣ неспособности къ этому невѣсты, замѣняетъ ее подлѣ сидящая подруга. Это называется „по наображны плакать“. По окончаніи стола невѣста раздаетъ всѣмъ пирующимъ подарки и разрѣзанную по частямъ „пряницу“. Въ день вѣнчанья женихъ и невѣста, каждый со своими родными, по утру идутъ въ церковь, слушаютъ тамъ водосвятный молебенъ и святую воду берутъ съ собой на домъ. За нѣсколько времени до вѣнчанья привозятъ въ домъ жениха постель и приданое невѣсты. Въ это время женихъ роскошно угощаетъ „постельницъ“, потомъ собираются къ нему родные, приглашается священникъ и, послѣ краткой молитвы, поѣздъ отправляется по невѣсту, которая всѣхъ поѣзжанъ одариваетъ и вмѣстѣ съ ними и своими родными ѣдетъ въ церковь, гдѣ снова поется молебенъ, а за нимъ происходитъ вѣнчанье. Послѣ вѣнца священникъ выводитъ новобрачныхъ изъ церкви съ окропленіемъ пути ихъ святою водою. Въ домѣ жениха родители его встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью; затѣмъ, послѣ благословенія, садятся они съ гостями за закуску—это такъ называемый „порывошный столъ“, за которымъ новобрачной бываетъ „крученье“. Въ это время сидитъ она на шубѣ, вывороченной шерстью на лице. Вечеромъ у молодыхъ „княжій столъ“. Послѣ этого стола, при пѣніи духовныхъ стиховъ, отводятъ ихъ на подклѣть. Въ слѣдующее утро провожаютъ молодыхъ съ разными шутками и прибаутками въ баню. Затѣмъ для близкой родни бываетъ у новобрачныхъ завтракъ „вскрытье“, а вечеромъ большой „красный столъ“, передъ которымъ гости идутъ гурьбой, съ веселыми пѣснями и фонаремъ на высокомъ колѣ, въ домъ „архитриклина-тысяцкаго“, крестнаго отца жениха, потомъ въ домъ крестной матери-невѣсты звать ихъ на пиръ къ новобрачнымъ. Крестный и крестная, отпотчивавъ гостей, отправляются съ ними къ молодымъ, которые ихъ встрѣчаютъ—это такъ называемое „встрѣчанье“. Въ слѣдующіе два дня происходятъ пиры у родителей новобрачной: „почестье“, „переѣзды“. Свадьба завершается въ свое время „хоженьемъ съ мыломъ“ по близкимъ роднымъ и „вьюнинами“; первое справляется во время

масляницы, а вьюнины *) въ домѣ жениха въ Ѳомино воскресенье.

---

*) Пиршество это называется вьюнинами, потому что наканунѣ Ѳомина воскресенья женихъ раздаетъ всѣмъ дѣтямъ пряники, называемые *вьюнцами*. (См. печатное Описаніе Угодичъ, изд. 1855 года, стр. 29). *Примѣч. Ѳ. А. Бычкова.*

Печатано съ разрѣшенія г. Ярославскаго Губернатора.
Извлечено изъ Яросл. Губерн. Вѣдом. 1889 г.

Ярославль. Въ тип. Губ. Правл.

2007237497